

МОЛОДОСТЬ НАРОДНОГО ТАНЦА

№ 9 МАЯ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

«Сколько весит счастье?» Именно читатели, их письма подсказали нам тему этого разговора — о жизни легкой и трудной, о жизни и слепом существовании, о том, для чего рожден человек: стать Кингкоу Бития или слепой запятой в неразборчивом шрифте, как выразился когда-то Владимир Луговской.

Начать разговор мы решили статьей Льва Кассиля. Статья уже была подготовлена к печати, когда мы получили письмо от Николая Маркина. Маркин как будто «предчувствует» эту статью и заранее спорит с ее автором. Мы решили напечатать письмо. Лев Кассиль, думается нам, отвечает не только Николаю, но тысячам юношей и девушек, которые решают сейчас для себя вопрос о том, как жить, по какой — легкой или трудной, но счастливой — нити дороге.

СКОЛЬКО ВЕСИТ СЧАСТЬЕ!

Дорогая «Смена»!

Я не стану говорить, что первый раз пишу в редакцию, хотя и правда первый. Вы, может быть, все равно не обратите внимания на мое письмо, потому что я не герой нашего времени, а в редакциях любят героев. Я человек к тому 22 года и тотерий думаю, что понял, как надо жить. Ну, понял, и жил бы спокойно, работал бы и никого не трогал. Но так нас меня трогает, и решил, как говориться, вылезти из ширюпы и тоже кое-что сказать. У нас в лаборатории много молодых ребят. Мы часто обсуждаем жизненные вопросы. И вот у нас две группы образовались. Наз, тех, что постарше, меньшая. Жизнь нас слегка отбегала, многие ее загадки мы разгадали и стали спокойнее, что ли. А вторая группа из ребят повзросле. Мы про них говорим, что они любят преодолевать трудности. Как привозят в лабораторию новый прибор, они чуть не в лес. Мы знаем, что такое новый прибор: бесконечные испытания, невостраива, начальство зноит. А этим ребятам одно удовольствие. Им лишь бы аппарат, по вечерам работать, все, что выходит из головы, не нравится, а в результате-то что: еще один прибор. Была тысяча, стало тысяча и один. Мы их умнее, «Спокойнее», ребята, берегите свою жизненную энергию». Куда там! Есть у нас паренек, тот прямо на по газете выступает: «Вы обыватели, вам бы что полег-

че, только бы свои сто десять в норман поспити». Я не отдаю: знаю: мне приятно деньги в карман поспити. А кому не приятно, поднимите руки! Я работаю честно, никто меня не укорит. Но рабочий день ночнее — я же Я хочу отдыхать, развлекаться, хочу жить. Мой отец всегда говорил: мы все отдали, чтобы вам лучше жилось. Я так понимаю: если вы будем неспити, изобретать трудности и потом их преодолевать (одна моя бывшая однокурсница специально по трудностям в Сибирь поехала), мы этим своим же отцом обманываем. А дети наши пуская еще лучше нас живут. Легко надо жить, себе философией не мучить и других тоже. Для этого дела есть философия, а мы — чтобы новые приборы испытывать. Разделение труда, двадцатый век.

Уважаемая редакция! Так почему я это вам пишу? Мне кажется, наши работ-малолетки потому так рассуждают, что читают слишком много газет и журналов. Это вы, как учите, что романтика в жизни была. Как вы там пишете: «поним и свершения» видите, знаю, и тоже кое-что читаю. И вот решил вам написать, чтоб вы знали, что не все так и жизни думают. Это кинные слова. Мы правили, конечно, чужие работы все отдал, но за прохондой уме беречь, все беру от жизни.

С уважением,
С принято

Николай МАРКИН,
слесарь, г. Омск

Лев КАССИЛЬ

И я стал бы задаваться этим вопросом, если бы не довелось мне присутствовать при беседе, которую вел недавно старший болельщик с молодыми рабочими одного из московских предприятий. Речь шла о благо-щем.

— Завидую я вам,— сказал седюсый коммунист, оглядывая лица слушателей,— просто завидую. Какая вам в будущем предстят жизнь! Знаю отлично, что сегодня еще часственно вам трудно приходится, что не все гдако кое-где и немало предстят еще вашему поколению трудного преодолевать, придется еще изрядно попотеть, как говориться. Но твердо уверен: вперед у вас жизнь по-настоящему существляя.

— Значит, вы уверены, что жить нам будет в будущем легко? — спросил молодойнин наладчик.

Человек на трибуне взглянул в его сторону и нахмурился.

— Нет,— решительно сказал он.— Я вам, по-моему, обещаю хорошую

жизнь, жизнь счастливую... Но легкой жизни я вам не обещаю и обещаю не собираюсь.

Не раз пришлось мне убеждать-ся в том, что кое-кто путает хорошую, полноценную, достойную, несостоящего человека жизнь с легкой жизнью. А между тем ведь понятны эти не только не срастающиеся, но большей частью и друг другу противостоича.

Неясность возникает в космическом полете, да и там она не цель, не желанное, а неизбежное пока состояние пилота. Человек привык ощущать в жизни твердую почву под ногами, ощущать притяжение родной планеты, по которой он прочно шагает в жизни. Освобождение от всех решительно земных тягот в прямом физическом смысле этого слова переносится человеком без особого удовольствия. Но там, в космосе, состояние такое является армивной необходимостью и многоощущаючи условием полета во Вселенную. И уж, конечно, никак не назоще полет космонавта примером легкой жизни.

А хорошая, доставляющая радость и пользу людям, приносящая чувство удовлетворения и ощущения своего участия в человеческом обществе, жизнь вряд ли когда-нибудь может оказаться легкой. Истинное счастье весомо. Никто не собирается привидеть его на киноэкране или в театре. Но кому нужно счастье легкое, пустопорожнее, безответственное, не опирающееся на прочные и верные жизненные представления, на серьезные тоги бытия, которое, как живешь не вступит и есть от тебя пусть небольшой, но все же какой-то толк людям, постоянно и упорно предаваясь какому-то труднейшему. Без которых не бывает настоящей работы, на желание принять участие во всем, где человек способен и должен внести что-то свое, полезное, нужное людям. Вот без всего этого истинное счастье невозможно. Без этого оно в лучшем случае лишь фейерверочный пылес, на короткий миг что-то ослепивший своими трескучими искрами, но быстро гаснущий и бесследно исчезающий. На белоглазый огонь никак не свести. И в жизни, как и в легкой любви, часто остается в душе тяжелый осадок.

Есть ставшее популярным во всем мире модное итальянское выражение «долгие фарингиты», что значит: «слабые безделья».

В известных кругах зарубежного общества «долгие фарингиты» представляют себя как состояние высшего блаженства.

Охотно верю, что и человеку переломному, доведенному длительными и напряженными трудом до состояния предельной усталости, в минуту полного изумления может захотеть провести сколько-то времени без всяких дел и забот. Это естественная реакция на чрезвычайную затрату духовных и физических сил, хотя бы и оправданную большим плодом последним свершением. Но, дождавшись реакции, здоровый человек, если даже он видит в господа бога и рассчитывает в будущем на райскую зарплату жизни, ужаснется при мысли, что он обречен на вечное сладостное безделье, и постарается выпрыгнуть из всевышнего зотх каюшнубудь дельце на том свете. А уж в реальной жизни на этом свете представить себе подлинное счастье при полном безделье просто немислимо.

Нет, коммунизм, к которому мы уверенно стремимся, это совсем не «долгие фарингиты!» Когда мы говорим о создании богатейшей и обеспечивающей нормальное удовлетворение всех жизненных потребностей среды материальной базы, без которой невозможно построение коммунистической жизни, мы все же не представляем себе, что человек будучи правдивым коммунистическим обществом, будет полностью лишены всяческих забот и трудовых творческих обязанностей. Мы, заглядывая в будущее и строя его представления, себе жизнь человечества, достигшую полного довольства, но отнюдь не самодовольства. Настоящий человек, а кем бы достигаю он ни жил в будущем, всегда будет полон больших помыслов, не обременяющих, но окрыляющих его сознание. И это чувство великодушной заботы о людях не заставляет мироуощущения, а наоборот, призывает подниматься к новым высотам самосовершенствования — и собственной личности и всего человечества.

Так называемая легкая жизнь — это ушительная пустыня, обманчивый призрачный рай, навеянный прах, рой радужных пылин, готовый разлетаться при первом же дуновении

настоящей жизни, всегда полной сознательной страсти, свойственной творческой личности. Настоящее счастье, благородного ощущения собственной ответственности перед другими людьми, неотложного стремления как можно шире раздвинуть горизонты познания мира. Легкая жизнь не опирается на прочные моральные устои, поспешно и бездумно замещает желанную волю чувств душевными надвешствиями, а упоение Большой человеческой радостью — потреблением утешительного зелья, от которого идет крутом, поустев и без того уже, наполняя голову и уходит из-под ног земля, рождая мимолетное ощущение влета, а не самом деле приводит к катастрофическому надвешствию.

Я помню, как в старое время при лессплаве на родной моей Волге плоты имели особые лоты, специально тямжест, котарак, буачун привязана к плоту, волочились по дну, не давая тачино стнети плот на мель. И только там, где это грузило могло повредить, но, скажем, телеграфный кабель, проложенный по волжскому дну, разлазался над руслом реки команда бакенщика: «Лот-от подымать!» Плотогонцы поднимали лот, а затем, едва миновав динное место, снова погружали его в тачину по дну.

Сегодня не услышишь уже этого на Волге. Плотогонцы не нуждаются нынче в искусственном специальном грузиле, так как плоты ведут мощные буксиры, таллоподъемники, тачинце лес по реке в нужном направлении. И вот, думаюется мне, что человек шире, освободенный от специального грузила из различных религиозных предрассудков и свода правил житиевой кюности, обремененных движением, но как бы помогавших людям, цевником и безвольным доверчивымси жюженной стихии, держаться привычного русла, сегодня уже не нуждается в таких старомодных «лотгах» и даже верным курсом. Но бездумно, легкомысленно, не желая употребить каюе-либо усилие на управление собственными рулем, уповать лишь на волю доброго тачинце или на услуги рабгги-буксера он права не имеет. Быть безответно сплавляемым по убюкованному тачинце — это судьба, достойная бравия, а не человека.

Вслушайтесь в слова, которыми русский язык определяет разные формы человеческого существования. Одно дело — жить, совсем друиче — существовать. А есть еще и житиичис. Житием влеивают биографы богоугодного святого. Под житиевой подразумевают существование без особых претвений и глубокого смысла, лихое обывание определенных сроков бытия, полного внешней бравды но лишеного истинного и серьезного смысла. Понятием житиичиском определяют непритязательный быт и существование людей, готовых охотно стнест себя обездоленными, смиряющимися перед всякими обывательскими неадекватными и претендующими на что-то, утверждающие сержез человеческое достоинство.

А есть сиромонн и великое слово: «жизнь». И тому, кто задумывается глубоко и взвешенно над этим священным понятием, тому не захочется прильнуть к нему словечко «легкая». «Но мы с вами живем ради того, чтобы жить и у людей становился не легковесной, а незлыбмо прочной, увеистю осмысленной и справедливо победной и великой в настоящее счастье человеческое!»

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 9 (1007)

МАЙ
1969

Наша обложка: выставка Государственного ансамбля танца и песни Латвийской ССР «Долгие Саргате Подвалке».

Фото Мировслава МУРОВОЗА

О рождении первого профессионального киберграфического ансамбля республикан читателя на страницах 20—21.

2 ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСКИ
СЕМЕНА ГУДЦЕНКО —
журналиста, солдата,
поэта.

6 «СМЕНА» ПРОДОЛЖАЕТ
РАЗГОВОР: каким
должен быть комсомольский
вожак. Отчет о встрече
редакции со слушателями
и преподавателями
Центральной комсомольской
школы ЦК ВЛКСМ.

И МЫРОСЛАВ
И ЭНТУЗИАЗМ

12 «СТО ПРОФЕССИИ ЗА-
ВОДА» — корреспондент
журнала на Владимирском
тракторном заводе.

24 «ГДЕ ЗИМУЮТ ОБЕЗЬЯ-
НЫ!» Репортаж из Инсти-
тута полиомелита и ви-
русных энцефалитов Ака-
демии медицинских наук
СССР.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ:
ФТОРАССКАЗ О СТРАНЕ ПРЕОБРАЖЕННОЙ,
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ НАШЕЙ ДЕРЖАВЕ

ВЕСЕЛОЕ СОВЕЩАНИЕ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ:
ИТОГИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

СТАТЬЯ ВЕРЫ ДОРОФЕЕВОЙ
«ТРЕНИРОВКА НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОСТЬ»

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, Н. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. С. Кларов, А. С. Лявов, А. А. Ляхов (ответственный секретарь), Е. И. Рабинович, Г. В. Солонен, С. С. Смирнов, А. Б. Стулов (главный художник)

Художник-форматель О. Теслер Технический редактор Н. Будкина

ПОХОДНАЯ ТЕТРАДЬ ПОЭТА

Семен ГУДЗЕНКО

Лев ОЗЕРОВ

Фронтные дневники Семёна Гудзенко... Человека, прожившего короткую, ярчайшую, яркую жизнь, ушедшего по обе стороны войны... 1922—1953 годов. Тридцать лет, а какая это наполненная учением, трудом, творчеством, богами, походами, путешествиями жизнь!

Юношей, рядовым бойцом в составе отряда лыжников он воевал под Москвой, партизанил в тылу противника. Зимой 1942 года воевал на Смоленщине. Позднее был на фронте военным журналистом. Опыт солдата пригодился и после войны. Снял фронтovou шинель, Семён Гудзенко не покинул лишь озян. Он работал записки рюкзак. Он писал о молодежи и для молодежи. Его планы были расписаны на олене долоу, шлолаемучо труди да и надрывных желье. И вместе с тем, участных войны, он обладал оорром не только чувствовать, но и предчувствовать:

Мы не от старости ущем,
От старых ран ущем.

И, несмотря на это предчувствие, он жила жаждно, и каждый его мирный день должен быть приравнен к дню в окопах Сталинграда.

Он оставил отличные стихи, поэмы, переводы, прозу. В этих произведениях продолжается жизнь Семёна Гудзенко. Читатель сейчас почувствует, должен почувствовать, что его записки рюкзак — это раскладная лавка, текучая по большу пою буланного листа. Несмотря на то, что дело было семные четверть века назад, эта лавка не остыла. Строки кровотоач и переводят адрот боа. Поэтому мне, предварающею выдержки из записных книжек Семёна Гудзенко кратким словом, лучше всего говорить так или еще лучше вовсе замолчать.

В подборе отрывков мне оказала большую помощь мать поэта Ольга Ивановна Гудзенко, и я приношу ей здесь слобкую благодарность.

Хочу напомнить еще читателю «Смелым», что именно в этом популярном молодежном журнале были напечатаны первые стихи Семёна Гудзенко.

Ночью пошел в Хлуднево. Я и Прокофьев переводы. Пришли. Догорает дом. Жителя нет. Немцы, постреляв, ушли на Польшу.

Зашли в дом. Посреди корова. На окне коробка от сгигар «Сельма-Аполюка». Гансы недавно ушли.

Идем через Согуноа — поселок. Пугра. Жжет лицо, валит с лыжи. У Польны нас обстреливал. Из шестерых осталась четверо. Отстали двое. Переселись в поселок. И уже втроем пошли дальше. На полях у Польны вратили соседнюю дивизию. Они уже ставили минометы. Не знали, что здесь свои. Возвремя пришли.

2 января 1942-го... Утром, в Польне... Пули рвутся в школе. Бьет наш «максим». Стреляют по большуку. Немцы уходят на Макляна. Пули свистят рядом. Ревем в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боюсь раны в живот. Пусть бы в руку, ногу, плечо... Ходить не могу. Бабарика перезавал. Рана — аж видно нутро.

Везут на санях. Потом доехал до Козельска. Там валюсь в соломе и вшах.

Малаяния... Живу в квартире начальника госпиталя. Врачи типичные. Культурные, смешные, в реченьки и говорят уставным языком.

Надоели начальству. Летим в Тулу. Из Тулы теплый поезд через Разань приехал в Шилово.

Полечусь — и снова в бой, мстить за погибших, за издевательства, за русский самовар из Снегова поселка, на который свел ганс и смилг его. Ему весело. Сволочи!

Фронтонки в маринах гимнастерок носят странненья вещи. Немечине губные гармошки, трубки, офицерские нашивки или кусочки санвица, вынутые из собственных ран ловкими руками хирурга. Это не тансыаны. Эти вещи, как искри, воспламяют память. И начинаются долгие правдивые истории.

Пята палата обдувает трубку сержанта Вл. Они обходят добывая коок и снова появляется в зубах сержанта. И Вл. начинает рассказ (рассказ о трубке).

Когда в снегу идешь по пою,
О битве не готовишь повесть.

Мудрость приходит к человеку с плечами, надетыми винтовочным ремнем, с ногами, сбитыми в походах, с обмороченными руками, с обветренными лицом.

Добывают добавочные продукты: молоко, овощи из колхоза, чтобы лучше кормить бойцов. Девяносто процентов возвращаются из госпиталя на фронт.

Тоял искал книги о Бетховене. Он читал все, что о нем написано. Теперь появилась толстая книга о Бетховене в серии «Жизнь замечательных людей». Он сам хотел написать ее.

Теперь, когда в зиму эту книгу, я вижу Толку. Бородатого, в куртке не по росту. Буквисты не Петровые помнят его. Какой парень!

4 марта. Вчера вышел из дома. Пахнет весной. Не заметил ее начала.

Потом пришли двадцать две девушки, принесли подарки — пряники, кисты с табюком (самосад). Пели, танцы, стихи.

У пленного офицера в сумке баночка русского меда.

...И мстия за кровь страны родной.

Мы стояли на перекрестке дорог. Со всех сторон хлестали ветры. Москва была очень далеко.

Двое говорили о любви. В разговоре было тридцать процентов ироники, пятьдесят процентов цинизма, двадцать процентов воспоминаний об окончателю утравленном.

А в сердцах у каждого была честная, настоящая, стопоцентная юношеская любовь.

Они хотели быть взрослее. Ведь всего 21 год.

Вода уходит, заливая поляны.
И в бургах чернеют черева.
Идет усманная гильзамый тропя.
Так на земле запечатлелись войны.

Мы лежали на снегу. «Ваше слово, товарищ и аuzzle!» — сказал, улыбаясь одним глазом, парень. Гривнул выстрел. Маяковский воеет.

Поэзия — честность, настоянная на страстности.

Женщины-почталыны: они разносят склеенные маркой почтащенна о гибели героев. Они первый видят безумные глаза жен, слезы матерей, закуренные губы и сматые кулаки отцов и братьев.

Война. Люди, которые писали раз в год письма тощам, начали вести дневники; статьи в газетях, подробные письма. Война рождает писателей и книги.

Это была мать. Она бегала за человеком. Потом извещалась. «Стрелка, как у моего сына. Сзади вылитый Вова. Извините».

В Москве начиналась Москва 1942 года. Днем она ничем не отличалась от 1941 года. Столько же солнца и красивых женщин. Но если походить поздно день до вечера, то увидишь настоящую германскую Москву 1942 года. Это чудесная Москва.

Шесть немцев жили в одной избе. Трое уехали. Трое пришли. Велели хозяйке закрыть платно окно и двери. «Давая патефона». «Ну, полюбуйся», — подумала старуха. Завалила громко платинку. Они сели вокруг стола, вынули истончки бумаги и заели «интернационал». Пропели в газет. Один пожилой пролезавшись, встали и ушли. Они их больше не видела.

Он был ранен дном. Мена оторвала ему ногу, ископавши руку и лицо. Огромное тело истекло кровью. Мимо него бежали люди. Вперед в бой, назад веди раненых, бежали за патронами. Он молчал. К нему не подходили. Бой закончен. К нему подошли. Положили на плыв-палатку. Понесли. Два часа он проспал на морозе. Он не знал на помощь, он не хотел быть обзой. Но теперь: «Братцы, дайте закури!» Врач вздрогнул.

кул от сильного голоса этого изученного, обмороженного человека.

9 месяцев войны. Уме рождаются дети, значащие в первые дни войны, в последнем страстном объятии уходящих на фронт добровольцев. Рождаются дети. Они не увидят своих отцов.

На станции Рязань 2-я. Молодая москвичка. Уме мать. Спросила у меня: «Что значит взято три населенных пункта? «Города ли это? И когда я ей сказала, что в населенном пункте бывает и по два дома, она иронически улыбнулась. Да где ей знать. Ей, уехавшей в октябре на Урал. Рязань ей знает она, как умирают люди за эти два дома. Нет.

Людей с железной дисциплиной, доходившей до аскетизма, очень уважало, преклонялось, но не завидовало.

Студент-литератор. Всю войну прочулся. Когда прочитывал фронтовые очерки и рассказы, обычно восклицал: «Какое сюжетно!»

— А с негас бепоруски
Ударили его одноклассник...

Война — это

КАМЕНЬ, на котором можно перейти привычки и волю людей. Много преродившихся людей, ставших героями.

9/IV-42 г. Армейская жизнь нелегка, И я узнал на войне,

Что значит плечо и плечу.

Мороз обжег лицо,

Ветер бросал в стужу,

На лыжах не устоять.

Нас взяли тогда в кольцо,

Казалось, что дело — гроб,

Казалось, не устоять,

Но мы прошли сквозь пургу,

Мы вырвались из кольца.

И мы опять на свет

Сняли спина к спине.

Да,

Я узнал на войне,

Что значит плечо к плечу.

По обочине дороги ходили фанаты. Люди они болели, а «фордки» подпускали почти вплотную.

13/IV-1942 г. Слушала 7-ю симфонию Шостаковича. Диржировал Самосуд. Шостакович поет овацио жале руки скрипачам, кланяясь. Зал неистовствовал.

Хорошее чувство, когда есть о чем писать, когда поиски героя увенчались успехом. Героя звание лучше, чем себя, видишь его ясно, ясно. Все, что в читателе не видел, теперь заглялось для меня: а в время войны не знаешь. Говорили с Юрой о будущей книге. В ней много стихов: новых и довоенных. Проза поэтов.

Книга будет такой. Основная линия: жизнь одного из нас. Минимум вымысла. Между главными сюжетными историческими вставками со стихами разных лет, с историческими встречами (Пастернак, Асеев и т. п.), с любовными историями или вообще интереснее эпизодами.

Минимум вымысла. Все имена и фамилии настоящие. Это должно быть веселая, волевая энциклопедия нашего поколения. Большая серия в первой части посвящена боям в Финляндия (Молочко, Стружок), Саволавер, Нердиков, Нехавин). Книги о крепких, сильных людях, рожденных Октябрь и отстоявших Октябрь в сорок первом — сорок втором.

Но ни одной худольной строки. Можно вставить целую книгу «или-нибудь» записные книжки — шутские и армейские. Иллюстрировать фото и портретами, зарисовками.

Глава о седьмой симфонии Шостаковича. Историко-литературные, но с перевесом бытового материала главы о любимых писателях и поэтах (Багрицкий, Блок, Маяковский и др.).

Н. Тихонов

Когда уйду, совсем согнется мать,

Но говорить и думать так мне будет.

Хота и трудно старой понимать,

Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит острую иглу,

И на щеках заволокутся явта.

Ведь тот, что не придет уже обратно,

Играл у ног когда-то на полу.

Еще в Гульцове я видел у Гречанина папку фото немецкого офицера. Среди снимков его жены, толстой матер и младенца, сидящего 22 июля (1), есть два забавных фото.

Три офицанта. Угодлив. Зачас жидкого юности. Чаплинские уски. Надпись гласит на языке французском: «От французского л'ами».

Из сараи вылезли огромный автобус. Он грузит в глубоком снегу. Двумя рядами стоят немцы. В руках у них лопаты. Они улыбаются в объятие.

Улыбайтесь. Этот снег многих из вас угробит.

Он появился по ночам,
Заросший русой бородой.

Он карабин синал с плеча

И мстил за кровь страны родной.

Я грел ребенка на груди своей.

И каждый знал, что нужно быть танком.

И были все у нас танками.

Из сараи вылезли огромный автобус. Он грузит в глубоком снегу. Двумя рядами стоят немцы. В руках у них лопаты. Они улыбаются в объятие.

Одни закон, ни в чем не разделяемый.

Был знаменит вечер в Подмосковье.

Мы отходили на восток.

Он к нам пришел забрызган кровью,

Закатан в материн платок.

Испуг замера в глазах ребенка.

Он с нами шел и с нами спал...

Мама, мама! «Какое странное животное», как сама пишет. Это все — материнская любовь.

Ты не плачь о нем, девушка, в городе
дальнем,
О своем ненаглядном, о миллом не плачь,
Он лежит на снегу белыши госпитальном...

1944. Ненависть появляется у бойца в Европе воспоминаниями и смеяется миром, тишиной. Мы понимаем чужое горе — даже врага (это не всегда хорошо)...

Стихи о том, что возвращается пшеница в зарокром, а убитые не возвращаются.

С убитых лошадей подковы
Снимают кузнецы.

Жители подносили снаряды, пушки тавчили.

Позвонил «Москва» (какой квартал взять). Бой встрелили эсэсовцы. Капитаны Сазанов и Поленов за день взяли пятьсот метров...

Вес город ушел под землю. Огромные подвалы.

На площади Свободы повесили пять венгров, и подписка: «Будет со всеми, кто помогает большевикам».

— Я Зяблик,— хрипит телефонист.
И Дубинка.— голосок двинчик.

Бои сейчас идут подземные, а не уличные — идет пехота под домами будапешта.

В кино идет «Она сражалась за Родину» под названием «Товарищ Н.». Это у них как кинобоевик, но в зале все время аплодисменты, плач и овьяление.

Уже убирают улицы, а рядом рвутся мины.

Мемориальная доска: «Здесь дирижировал Моцарт».

На улице идут старки-немцы, с ними девочки-украинки. Они их теперь спасает. Боже мой, как они теперь лебезят перед ней.

Пуля настала его на скамье. Сидит немец. Перед ним зеркала. Он мерта.

Муссонник повешен. Правильно. Суд, не отходя от эшафота!

Сейчас на Родине весна.

Сегодня рано утром шел по Братиславе. Зеленички поливали водой груды редиски, лука, ширени. Боже мой, как я люблю все это в изобилии, чтоб ширени заросли, а не ветка в пыли, чтоб редиски горы, а не ломтики на блюде.

Есть извещенье, что умер Гитлер. Это никого не устраивает. Его каждый хотел бы повесить.

Солдат вернулся в Киев. У него жил немец на квартире. Убил его мать. Ограбил. Солдат случайно нашел конверт с его берлинским адресом. Это было в 1943 году.

В сорке платом он пришел в Берлин и нашел дом этого немца. Здесь он увидел свой костюм, присланный в посылке. Немец уже давно был убит. Его адвога, когда узнала, что был этот пестотичек, смертельно поблбдилела. Солдат не стал брать своего костюма. Он только на дверях написал: «Сюда приходила месья из Киева, с улицы Чкалова, из дома № 18». Наутро адвога сбжевала в деревню.

Солдат решил посылиться здесь с друзьями. В шкафах он нашел много знакомых вещей, это ему напоминало мать, Киев...

Когда мы узнали о конце, каждый больше всего боялся умереть. Жизнь после войны солдаты берегут еще сильнее.

День Победы — один из самых дорогих и торжественных праздников советского народа. И хотя почти четверть века минуло с момента окончательного разгрома фашизма, мы не устаем восхищаться героизмом, мужеством, стойкостью советских воинов-победителей.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ВОЙНЫ...

Генерал-майор А. И. ЛИТВИНОВ, бывший член
Военного совета 3-й ударной армии
Владимир ГРЕБНЕВ (фото, публикуются впервые).

Атака. Одна из последних на войне.

Изнамени Победы, которое по заданию Верховного командования предстояло водрузить над фашистскими рейхстагом, мечтали все. Полки, дивизии, корпуса, целые армии соревновались за право первыми вернуться в гитлеровскую столицу.

Первоначально соединения нашей 3-й ударной армии, которой командовал генерал-полковник В. И. Кузнецов, были нацелены в обход Берлина с северо-востока, то есть наносили вспомогательный удар. И вполне естественно, что Военный совет 1-го Белорусского фронта вручил два специально учрежденных им знамени Победы командующему 3-й гвардейской армии генерал-полковнику В. И. Чуикову и командующему 3-й ударной армии генерал-полковнику И. Э. Берзарину. Части этих армий поруча-

лась самая почетная задача — штурм Берлина. Но в ходе боя, исползуя успехи, командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. Жуков приказал нам повернуть на Берлин и наступал в центр Берлина, в район Мозель — парк Тиргартен.

После вая Берлин, — говорилось в обращении Военного совета фронта войскам, — столица германского разбойничьего фашистского государства. Вас не сдержали мощные укрепления, которые вы сейчас преодолели на подступах к Берлину. Перед вами, советские товарищи, Берлин. Вы должны взять Берлин и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться.

Теперь уже мы, Военный совет 3-й ударной армии, приняв решение об усилении знамени Победы, санкционировано было изготовлено девять — по числу дивизий. Одно из знамен полка 158-й Идрицкая стрелковая дивизия. Этому знамени и суждено было развеваться над рейкстагом, а ныне стоять в числе других ратных святынь в музее Центрального музея Вооруженных Сил СССР.

26 апреля 1945 года командир 150-й Идрицкой дивизии генерал-майор В. М. Шатилов и начальник политотдела полковник М. В. Артюхов вручили знамя командиру полка Ф. И. Зинченко и его заместителю по политической части подполковнику И. Е. Ефремову. В полку это почетное знамя заслуженный батальон, которым командовал опытный и мужественный офицер — капитан С. А. Неустрова.

В дни боя за Берлин почти каждый взвод, каждая рота изготовили себе красные флаги и флажки, которые устанавливались на занятых в сражении зданиях.

С местными, упорными боями частями армии продолжались и центр вражеской столицы. Марине Скляти разгорались за Нандулу Уолл, каждый дом. Навозы 28 апреля дивизии генерала Шатилова и полковника Нагоды пробивались и речке Шпрее. За ней лежали Тиргартен, аллея Победы, Шарлоттен-театр, рейкстаг. Берлин в эту минуту был занят в железные цепи войсками 1-го Велюсского и 1-го Украинского фронтов.

С нами вместе дрались танкисты генерала Богданова. Армия генерала Берзарина достигла Александерплац. Гарнизон генерала Чуикова — танкисты генерала Катюкова громили фашистов в районе инженерной канализации. В окрестных районах города усиленно действовали танкисты генерала Рыбанина.

Командование фронтом приказало частям нашей армии взять рейкстаг. Штурмовыми батальонами командовали Неустрова, Давыдов и Самсонов. Брак занялся оборону по южному берегу рени Шпрее, в домах по всему полуострову Королевской площади. На подступах к рейкстагу были созданы мощные укрепления. Сам рейкстаг — огромное, многоэтажное, мрачное, вросшее в землю, вырваное из землицы красной здания — тоже представлял собой грозную крепость. Она же были превращены в амбразуры, из которых торчали стволы пулеметов и пушек. Гарнизон немецкого парламента насчитывал более двух тысяч солдат и офицеров.

Утром поднят высокий наступательный парад, командование передовых дивизий направил в батальоны истребительно красные знамена для установления их над рейкстагом.

В батальоне старей командиром командовал Самсонов вручил одно из этих знамен комсомольцу младшему сержанту Михаилу Есенину и солдату Григорию Савенко. В другом батальоне знамя довершил вручить командир младшему сержанту Петру Пятичнину. Капитан Давыдов отдал знамя танкисту Рахмишу Назарбаеву и красноармейцу Булатову.

Знамя Военного совета вручили пропавшим разведчикам коммунисту

Михайлу Егорову и комсомольцу Мелитому Кантария.

Утром 30 апреля в подвалах министерства внутренних дел (дом Гиммлера) готовились в Батальоне Неустрова. Загребала артиллерия, и вода стала достигать предела, над Королевской площадью взлетали красные ракеты — сигнал и атаке. Батальон бросил вперед.

Они не удержали огневые точки врага. Близ пулемета, охваченный мин, мины, фауст-патроны. Площадь представляла сплошной огненный вал.

В батальоне Неустрова первым бежал к цели Петр Пятичнин. В левой руке он держал красный флаг, в правой — автомат. На пороге рейкстага Пятичнин упал. Оборванный флаг прикинул из рук сраженного героя коммунист Петр Шеремин. Под горячим пулеметным огнем пробыл и первый комсомолец рейкстага и прицелил и нецел.

Впереди батальона Самсонова мчались и рейкстагу комсомольцы Михаил Есенин и Григорий Савенко. Иоротыми перебежками, переходом от одного укрытия к другому, они Утром, шаг за шагом сблизались с врагом, устремляя за собой товарищей. Последний рынок привел их на лестничную площадку главного входа в рейкстаг. Есенин, прицелившись в голову, выстрелил свой флаг и установил на его месте красный флаг. И тут же на площади раздалось могучее красноармейское ура — ринулись и цели все роты батальона.

Вот затрепетал красный флаг в одном из окон рейкстага. Его привнес сюда сержант Смирнов, Ефремов Белова и Самов.

Небольшие красные флаги, установленные на колоннах, нармах и окнах фашистского парламента, указывали путь к победе.

Заскешие на верхних этажах здания фашисты поливали атаующие цели огнем из пулеметов и автоматов, артиллеристам был дан приказ: «Беглый огонь по рейкстагу!» Новая атака была стремительной и неустойчивой. Уже не отдельные бойцы и небольшие группы, а целые роты пробивались и рейкстагу.

Вместе с ротой Илья Сынова ворвались в рейкстаг Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Уничтожив сложную задачу, поставленную перед знаменосцами, командованием батальона прицелился и нин лейтенанта А. Берста. Впереди с автоматом двинулся Мелитон Кантария, за ним, прикрывая знамя, следовал Михаил Егоров. На шаг не отставал Берест.

Для советских воинов все тут было незнакомо. Стоял день, а в рейкстаге царил темнота. Скалтан вспыхивали на лестничных площадках, в коридорах, в залах и комнатах. Трещали автоматные очереди, ухали взрывы гранат. Все выше и выше пробивалась рота Сынова.

Стреляя из автоматов, забрасывая гитлеровских гранатами, отчаянные советские воины упорно шли вперед. Вот последний пролет. И вдруг залп врага. Егоров телом прикрыл красное знамя. Скалтан продолжалась несколько минут.

— Четвертый этаж, — сказал Берест, разглядывая план рейкстага. Здесь немцев уже не было. Но знаменосцев подстергала новая опасность.

По крыше рейкстага била и наша и вражеская артиллерия.

Над Берлином спустился вечер. Один из последних вечеров войны. В гущине выжили испанцы ринулись снарядов изалась особенно яркими. Группа Береста ползком ощупывая каждую пядь крыши, дингалась и куполом, отыскав пробоину от снаряда, знамя довершил вручить командир нецелю знамен и крепко прицелившись в него и рванул. События подождали ало полуоткрытой, которому отныне суждено было именоваться знаменем Победы.

Гумашина победителей. Гарнизон старшей сержант И. Кузнецов оклеивает легионную ленту берлинскому берлинцу.

Вот она, долгожданная победа!

Мост через Шпрее — яркая дорога к рейкстагу.

**В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ
ОБСУЖДАЕТСЯ
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЖУРНАЛА
О ТОМ, КАКИМ
ДОЛЖЕН БЫТЬ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК**

Александр ЛАВРОВ

И МУДРОСТЬ

«Обнажды Виктор сам спросил меня:

— Ну, а ты как считаешь, кто в коллективе главный?»

— Наверное, чтобы каждый нашел в нем свое место. А что, неверно?

— Конечно, неверно. Коллектив не автобус, куда все входит и занимают места.

И не сразу нашел кто ответить? Этот разговор Л. Жуковичского с коллегами большой стройки писатель приводит в своей статье «Все входит и занимают места» («Смена» № 22, 1968 год).

Мисс Виктор в том, каким должен быть сегодня комсомольский вождь, привлекла внима-

ние читателей. В почти журнала много писем, спорящих с Виктором, дополняющих его. Высказываются и просьба продолжить разговор на страницах журнала.

Недавно в Центральной комсомольской школе ЦК ВЛКСМ состоялось организационное «Смею» обсуждение проблем, поднятых в статье Л. Жуковичского.

В беседе приняли участие В. Кузнецов — ЦК ВЛКСМ, В. Тихонов, В. Ознобкин — преподаватели ЦКШ; слушатели, заведующие отделами обкомов и горкомов комсомола Н. Зайченко, А. Ладно, М. Шеметов и писатель Л. Жуковичский.

И СТУДИЗМ

**— КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК
В СВОЕМ КОЛЛЕКТИВЕ!**

**— НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ ЕГО
АВТОРИТЕТ!**

**— КАКИМ ОН ДОЛЖЕН
ОБЛАДАТЬ КАЧЕСТВАМИ!**

**— КАК ВОСПИТАТЬ
КОМСОМОЛЬСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ!**

Эти вопросы оказались в центре споров, когда в Центральной комсомольской школе ЦК ВЛКСМ группа слушателей и преподавателей собралась, чтобы обсудить статью Л. Жуковичского «Все входит и занимают места», рассматривающую, если выразиться пышно, проблему: современность и характер комсомольского руководителя.

Оценки выступление журнала как «очень современное» (Ладно), интересное и полезное (Шеметов), все выступление сошлись на одном: даже самое развернутое публицистическое выступление не может — и не должно — дать рецепты на все случаи жизни. Важно вместе разговор о современном типе комсомольского руководителя, стиле его работы и взаимоотношении с коллективом на большую орбиту журнального обсуждения. В комсомольских организациях накоплен боль-

шой опыт, есть о чем рассказать и поспорить. Хочется услышать и мнение опытных комсомольских работников и ученых-социологов.

**ИТАК, ПЕРВЫЙ КРУГ РАЗМЫШЛЕНИЯ
И СПОРОВ:**

**МЕСТО КОМСОМОЛЬСКОГО
РУКОВОДИТЕЛЯ В КОЛЛЕКТИВЕ.**

КТО ОН:

**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСЕМ ДРУГ,
СТОРЯ С АМ, СОРБЕВАТ ВСЕХ!**

**ТОТ, КТО «НА ГОЛОВУ
ВЫШЕ КОЛЛЕКТИВА!»**

**«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДИТ
ДАЛЬШЕ И ГЛУБЖЕ ВСЕХ,
НА ПЯТЬ ГОЛОВ
ВЫШЕ КОЛЛЕКТИВА!»**

**«РУБАХА-ПАРЕНЬ»
ИЛИ
«КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ,
СЕРЬЕЗНЫЙ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ОРГАНИЗАТОР!»**

Из приведенных характеристик и определений, процитированных в наиболее крайних формулировках, пожалуй, ясно направление общего спора-размышления.

Трудно выделить из чистом виде тонку зрения одного выступавшего, другого, третьего. Спор был общим. Говорившему «подбрасывали» вопросы и реплики. Под влиянием эмоционального напора несогласных ораторы иногда слагали первоначальные формулировки, а то в азарте полемик их усиляли. Поэтому в нашей статье мы будем придерживаться не последовательного изложения спора между товарищами такмычно, а пытаемся просто суммировать различные взгляды.

Вот один из них:

— Вопрос о взаимоотношении комсомольского лидера и коллектива специфичен. Проведя сравнения с положением административного или технического руководителя производственного коллектива и тогда увидим, что вопрос о характере лидерства комитета комсомола, секретаря — вопрос тонкий. Выполнение лидерских функций связано с духовной сферой общения, с идеологией. Поэтому сегодня термин «вождя» звучит диссонансом. Это какое-то, если хотите, зверное слово. Ведь у нас же речь идет о комсомольском коллективе, о людях, чей нравственный уровень высок, чьи жизненные дела и планы крупны. И адруг — «вождя».

Уже произошла перестройка нашего понимания сущности комсомольского руководителя. От понимания его как «рубаха-парень» мы пришли к высоким требованиям к нему как к человеку очень квалифицированному и серьезному. Он должен быть подлинным руководителем идеологической работы, звонком психологического общения, человеком, который видит дальше, глубже других.

Если он возглавляет коллектив, он должен быть даже на пять голов выше коллектива. По своим моральным качествам он должен являться естественным, признанным лидером.

Другая позиция:

— Не согласен с тем, что комсомольский вождя должен быть на голову выше коллектива. Ведь коллектив — это люди разных характеров, разных взглядов, с индивидуальным жизненным опытом. И очень вероятно, что кто-то из них выйдет по одному вопросу, другому — по другому. Набирается много случаев, где коллектив будет потенциально выше вождя. Поэтому хорош не тот руководитель, про которого говорят: «На пять голов выше (в каких-то отношениях — может быть; во всех — нет)», — а тот, кто умеет слушать советы своего актива и из них выбрать наиболее правильное.

Еще одно соображение:

— Лидер выделяется не потому, что он вне коллектива, где-то на пьедестале. Мы должны исходить из того, что он окружен людьми не менее способными, но не обладающими столь удачными комплексами способностей или организаторским талантом. Другой человек может иметь даже больше положительных данных, чем лидер, однако будет лишним, казалось бы, частным, но совершенно необходимым связистом — приходить к себе людям.

...Разные точки зрения. Но так ли они непримиримы!

Может быть, только на первый взгляд они антагонистичны! Ведь вопрос о месте комсомольского вождя в коллективе нельзя отрывая от того, о коллективе какого типа идет речь.

Привычно обращаясь с этим понятием, мы легко говорим «коллектив решил», коллектив поставил своей целью» и т. д. Между тем это и в социологии и в психологии уже стало аксиомой: не всякая группа людей, входящих в одну организацию, образует собой коллектив. Как называется такая группа? «Коллектив» характеризуется совершенно определенными признаками: единством цели и действия, жесткой организованностью, а следовательно, устойчивостью в структуре и отношениях между его членами. В коллективах существуют такие явления, как общее мнение, общее настроение, общее интерес, общие потребности и т. п. В коллективе складывается свой собственный психологический климат. Успешное управление коллективом требует учета этой его целост-

ности. С другой стороны, с группой людей, отношения между которыми обладают специфической устойчивостью и определенной замкнутостью в самих себе, нельзя обращаться, как с коллективом. Тут не удастся достичь желаемого эффекта, пока коллектив не будет создан или не будут выявлены «включающие» группу коллективы.

Обязательным признаком коллектива являются устойчивые непосредственные личностные отношения людей.

Вопрос этот не чисто теоретический, ибо мы хотим, чтобы комсомольский вождь был равно на высоте и в своей бригаде, и в металлургическом цехе, и в студенческой группе, и в комитете ВЛКСМ крупнейшего университета.

Вот к этому выводу, пожалуй, и пришли дружно все участники наших дебатов:

— НУЖНО ЗНАТЬ СПЕЦИФИКУ КОЛЛЕКТИВА, УСТРЕМЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩИХ ЛИЧНОСТЕЙ, ИХ ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ, ИДЕЯМИ И ТЕХНИЧЕСКИМ УРОВНЕМ ЛЮДЕЙ, ЧТОБЫ РЕШАТЬ ВОПРОС О КАЧЕСТВАХ ИХ ЛИДЕРА.

Вот как аргументировали эту позицию участники обсуждения: «Каждый человек вступает для определенной среды. Если он будет рекомендован в колхоз секретарем комсомольской организации, ему нужны другие качества, чем на посту секретаря комитета комсомола в НИИ.

Для определенной части коллектива лидером будет тот, кто умеет поднимать, в ком есть определенная административная жилка. Но чем выше общий уровень молодежи, тем реже руководитель может добиться успеха, применяя такие методы.

Сейчас в комсомоле нельзя работать без дифференцированного подхода.

ВТОРОЙ КРУГ ОБСУЖДАЕМЫХ ПРОБЛЕМ:

О ЛИЧНЫХ КАЧЕСТВАХ КОМСОМОЛЬСКОГО ВОЖАКА.

ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ СВОЙСТВОМ КАЖДОМУ КОМСОМОЛЬСКОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ;

КАК СООТНОСЯТСЯ КАЧЕСТВА МОРАЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ;

МЕНЮТСЯ ЛИ С ХОДОМ ВРЕМЕНИ ТЕ ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА, КОТОРЫЕ ПРИЗНАКИ РЕШАЮЩИМИ.

Итак, задумавшись, существуют ли некоторые объективные качества, которые позволяют стать человеку комсомольским лидером, и если да, то не надо ли требовать жизни не только вперед, но и традиционных предостережений?

Первый вывод единодушный: твердая идейная позиция—основа характера комсомольского вождя. Все остальные качества усложняют.

А существует ли какая-то динамика личности тех или иных свойств, нужных ему?

Хотя на встрече, о которой рассказывалось, и раздавался голос, утверждающий, что параметры личности идеального комсомольского вождя не меняются, большинство скорее примкнуло к другой точке зрения.

Аргументация этой второй позиции была такова.

Общественное положение молодежи, роль ее в сфере материального производства, условия бытия, соотношение рабочего и свободного времени, образовательные и культурные возможности—все это год от года меняется, и в лучшую сторону. И все это накладывает печать на ближние и дальние личные планы молодых людей, на их идеалы и т. д.

Помочь молодежи осуществить свои замыслы, найти себя, раскрыть свои способности и таланты—это одна из важнейших задач комсомольского вождя. Задача, разрешить кото-

рую нельзя, не обладая особыми качествами.

Каких же? В некоторых выступлениях смело назывался примерный «минимум», без которого трудно обойтись тому, кто призван возглавлять молодежь своего цеха, курса, факультета, завода.

И хотя, естественно, такой перечень носит довольно условный характер, его стоит привести, потому что он заслуживает дальнейшего обсуждения—надеюсь, с участием читателей. (Естественно, что предложения занести в «итупольные списки» или иное достоинство порой были противоречивы.)

— Организатор, а не руководитель.

— Человек, соединяющий в себе черты организатора и вождя, умеющий видеть глубже и дальше, чем все остальные.

— Умеющий спланировать способных ребят.

— Сочетаящий в себе качества, которые объединяют людей по интересам.

— Важнее всего в нем личные моральные качества.

— Нет, прежде всего твердая позиция, взгляд в будущее и умение реализовать то, что лично коллективу.

— А я бы поставил на первое место организационные способности. На второе—готовность прислушиваться к мнению коллектива. На третье—знание коллектива.

При разноречии этих характеристик в них бесспорна общая четкая тенденция. Все участники обсуждения самым ценным свойством руководителя считают дар вызывать в коллективе ценную реакцию, поднимать его на выполнение высших задач и находить для этого наиболее эффективные средства.

Кроме того, все выступления согласны, что усваивать рациональное начало в руководстве и делается менее надежной ставка на чисто эмоциональные приемы.

Однако хочется заметить, что порой стремление иных комитетов к трезвости, девятости, жесткости приводит к полному забвению эмоционального фактора. Получается своего рода «задержка прогресса». Приходится напоминать, что специфика работы с молодежью требует любых мероприятий проводить ярко, увлекательно—эмоционально.

Так что при всей верности замечаний о тенденции (как кто-то сказал) «погружению в работу эмоции сдавать в архив не нужно.

И еще одно примечание к спору о качествах вождя.

Собравшиеся на обсуждение обратили внимание на то, что в некоторых выступлениях печати более или менее отчетливо проходила мысль, будто сегодня молодежь при выборе комсомольского руководителя больше ориентируется с чертами морально-этического плана, чем организационно-профессиональными задатками.

Между тем конкуренция здесь примечна. Решено было, безусловно—по формуле «и»: и высокие морально-этические качества и организационные способности вместе с профессиональными навыками. И вот в комсомоле не модное новшество, а насущная составная часть жизни и в масштабных делах и в малых.

Только представить себе, что секретарь комитета и ученый, и организатор, и работник, и лидер, и любящий, и с полным несомнением и хороним одарен до предела, но все только, как говорится, немножко разбавлен. О названной встрече может забыть; за текучкой на проверять важный задание, взятое под контроль; дает по доброту разные обещания налево и направо, не беспокоясь заранее о реальности их исполнения; берется сам сразу за много дел, но до конца их не доводит, улетает как новьями.

Спешивается: при все больших достоинствах этого человека не сводит ли их на нет его эмпативные недостатки?

Самое серьезное отношение к четкому делопроизводству—картотека, тематические планы, организационный план и т. д.—она как не «взорюкрат», в необходимая предпосылка для успешной деятельности.

Но—и «но» немаловажное—бесспорно о том, чтобы с математической точностью выяв-

рить признаки, делающие юношу или девушку пригодным к выдвижению, стараясь разгадать возможности людей, нужно добиваться, чтобы именно этими критериями мы и руководствовались.

ИТАК, МЫ ПРИШЛИ К ТРЕТЬЕМУ КРУГУ ПРОБЛЕМ:

КАК ИСКАТЬ СПОСОБНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ?

ВЕРНО ЛИ, ЧТО ВОЖАКИ

НЕ ВЫВЯТЫВАЮТСЯ,

А ТОЛЬКО ВОСПИТЫВАЮТСЯ!

НУЖНО ЛИ СПЕШИТЬ

ВЫБИРАТЬ НОВЫЙ

СОСТАВ КОМИТЕТА!

Некоторые время назад социологи, занимавшиеся изучением проблемы лидера и коллектива, выдвинули предположение, как выявить потенциального руководителя. Они советовали наблюдать за тем, кто пользуется наибольшим авторитетом в так называемых неформальных группах, и выдвигать этих неформальных лидеров.

Сначала идея показалась интересной. Однако на практике—без особых дебатов—принята не была. Выдвигая, все-таки качества, позволяющие человеку превосходить в компании любого или футбольных болельщиков, были иного сорта, чем те, которые нужны для общественного лидера.

По мнению участников обсуждения, следует отделить проблему званания человека и его выдвижения от проблемы полного признания своим лидером. «Проверка» происходит довольно долго. Вот почему быстрее передавание комсомольских кадров (по отдельным данным, средний срок работы секретаря райкома—порой года) не вызывает особого одобрения у молодежи.

Но все касается званания человека и затем его воспитания как руководителя, то большинство выступавших сошлось на одном (пожалуй, не новом) утверждении: где комитет комсомола работает, опираясь на актив,—там есть объективные возможности для проявления общественного потенциала людей.

Взаимоотношения коллектива и выдвинутого им руководителя по всем правилам либеральных есть отношения с обратной связью. И поэтому там, где люди в коллективе безынициативны, вялы и тупы и ждут, что их никто не перестанет «тонировать» воюм,—они лишаются стимула, опираясь на актив.

Как давно заметил один из участников встречи, в этом случае вместо вождя получается «мачушечка».

Если попытаться кратко сформулировать положения участников встречи, то в значительной степени они касаются необходимости:

БОЛЬШЕ РАЗРАБАТЫВАТЬ ПСИХОЛОГИЮ КОМСОМОЛЬСКОЙ РАБОТЫ;

ВЫЯСНЯТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЧАСТИЦА

ПОСТОЯННЫХ ЗАБОТ КОЛЛЕКТИВА:

УЧИТЬ РЕБЯТ, КАК ОПРЕДЕЛЯТЬ СВОИХ КОМСОМОЛЬСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И КАК ИХ ВОСПИТЫВАТЬ.

Вместе с тем надо прислушаться к предупреждению ряда выступавших, которые тревожились чрезмерным стремлением все засоциологизировать. Нельзя уходить далеко от живого человека. Нельзя забывать, что коллектив—это люди, а не подчас только и слышно: модели, этипы, социологическая личность.

Комсомольцы—это инициатива, энергия, жизнь, творческий поиск.

Комсомольскому вождю все эти качества нужны вдесятеро!

да тайгой, истомленной от поздней жары, по звонкому высокому небу отпалава лебединая стая к уюгу, уюсы с собой на осветительные белых крыльях солнечный свет, наконец, вприкос: при доброй надежде — светится.

Визгу по большой зеленой земле за ними вадонку не отступило скалами темными пятнами их летке тени и не могли догнать.

Не камнем, как журавля с пелюшкой за вожаком, облачко за облачком, печально возмуж, они вновь раскрывались на волях прохладных ветрах, и только железный рева встречного самолета приближал их к земле, да прогнавший молниями громоуночь синевистая ливень загнана их в надежные границы.

Продолженье в пути служебны им солдате.

Крыльями отсчитывая дни, пролетан окраино над посаками и деревнями, далеко обходя шумные, дымящие города, еще издали попуска и урезав заводские трубы, коптание в небеса.

Ночью, тревожно гулаво красные крыла, они своим деревням чутым-высокими колодыми водермы, покая падан вниз, устапо обнимали земью крылами и отдыхали. Спали-отдыхали до тех пор, пока не заливало продолжением рассветом горизонт, пока солнце не вставало из-под земли и не Аврору каждому из них по лучу.

И слова в путь по любезной бесконечной дороге.

Пролетан они и над Шубиниковым — ассицины далекого Карагайского участка.

Но он их проснал: тоже, вадать, умязал от жары, как и тайга.

II

Спал он под старой сосной, в траве сколо водм, лицом вниз на скрепленных руках, укрывшись с головой от комаря и мошкеры брезентовым плащом.

Расседанная лошадь обходила его и, поодаль обводяше хвостом корову, зарывалась в полевые заросли, выхаживала змею — молодую травку. Тогда смышляло ее фырканье и короткое веселое ржание. Прислуся Шубников испуганно и неожиданно, словно кто его толкнул: привстал ему лесной пожар.

Вот что он увидело до сие.

Иногда вставало оранжевое возмужие пламя, в ушах слышались выстрелы: это трендан стрелом сосны. Раскопачив пополам, они выжаложе падали, обинная ветками ость. Небо, красное и торжественно-тревожное, гудало и осмележало вырвалось. Это порел воздух, и в его саженой гарии севало желтым пламенем дымное солнце.

Шубников же метался по тайге и орал на всю округу истошным голосом: «На помощь!».

Верный конь все-таки вывел его к реке, один вошан в воду по груды и стал жадно жевать чуму.

И тогда раскомало небо пополам, раздвинулось, и узкую отдулу, из черных космических глубин, белые дымки пришло в пламя и стали хлестать из них воду. Наверу кружил кадык-то громадные стреломы. Он догадался, что это вертолеты, а вел их точным курсом к нему самолетик лесничества. Летчик, перенесившись между край бабины, искал биноклем кого-то.

Тогда Шубников закричал: «Я здесь! Села спасатели!» — и проснулся.

В голове гудело колокола.

Первым, что ему пришло в голову, когда он проснулся, было: где он, кто он такой и как ему поступать дальше.

Смышлявшие старая армянская привичка. Он осмотрелся, вздохнул и успокоился. В тасковой тишине ни пожара, ни выстрела, ни катастрофы. Все на месте: земля, и небо, и он при своем деле!

В августовский знойный полдень отлежавшая от густой пахучей зелени тайга будто шустрила к водою и старудаса маршевой ротой у реки на песчанно-глинином обрыве.

Она трудно динтала свои глубинные зеленые воды, обходя берега, заросшие тальником и черемушником над заводчим, в которых сонно трелье теньковислые рыбы, слышались кадык курящего закур человека да в большом ошпенкованном тазу отчавные колотушки хвостами белобордых рыб и, вдобавок, в травах ростом до содаа фижрал огненно-рыжий конь лесничего.

Речная прохлада. Все на месте. Все давно знакомо и любимо. Проснал часа два, должно быть...

Но и славно!

Шубников исполнил о Катюше, но успокоился: на встречу с ней он не обидеть. Только к самому-самому вечеру он должен захезать за ней на станцию к покоему торговому ларьку.

А сейчас он встал, потнулся глыбистой покотной силой, сбросил с себя невзгорелые от рукавиц большие рукавицы одежде, пошевелил мускулистыми надельниками, хлопнул по белору резинкой в трусах и поинка к берегу.

Хозяин присмотрелся к воде и с дохотом узнука свой обитавше гордиче тоем в хомь, река тремно на параване склонише треншисе гулаух рыб.

Водовь поплавав и охладившись, он привнеса купать своего доброго друга — рабочего коня, который в ожидании полагался на хозяина — ждал отведати. Шубников взял его за задешку, сnyderа к молодой старичке и, слыша за плечом докляное ржанье, внял его в прохладу. Конь пид воду, моргла глазами и истрал всевы жилаками крупа. Пив! Вешером хозыбка упрости тебя сахаром! Она тебя любит!

Он засаждал за Катюшей, если не была на работе в дальних лесных стоянках. А когда тайга был, до села она добиралась сама: на попутных бычках, поадавал, а то и с тесным пешим строем — старик шибко любил шажать по бранкам, потому что служба, пуганная обходчиком. Засажать за него, видеть ее съестные от этого глаза считала своего свитой обязанностью и ревновала к машинам, тесно, телегам и пешеходной физкультуре.

Сколько дорог и деревьев окружал их в этом краю, и каждый живой должен беречь их и помятть друг другу. Неститан вроде мыслал, а уж правнанима наперника! Веселона свой, тревожной сои, в котором он сам был растерянным и жалким при красной от огня разбушевневшей стихии, Шубников заторпился.

Да и то: надо во все глаза смотреть за всеми этими просторами. Не доброс встала невнядно титис — сумей только выследить! Он торпико собрался, вдухнул и вхздал в тайгу — скривал в ней, как в родном доме, о котором дум и востанпийный в все дороги жадит.

А да, смежлялся у Шубникова жизнь и складию в несказанно.

Мать, учителемца называлой школы — все время работала и все время боела... Замучан же тетрадки учеников. Ночами не спал: исправляла всякие там орфографические ошибки и дважды два — четыре. А потом сама.

В армии на службу сразу не взяли: единственный кормилец.

Из пикам ушла после восьмого класса. Работал там, где можно было. Оберегал матушку: и она и он — единственные на свете!

Умирал, шептала в бреду: «Ваня, Ванечка!...Тетрадки проверь еще раз за меня».

В армии постепенно затылка боля по умершей матери, и душа и тело пропаш испытанна на мужество, преодоление трудностей и на выносливость. То тутуда и Адамовый океан — и нужно прыгать с парашютом, то расканденный песок в зубах — и нужно через нустыню донести и вручить вопреку пикам и штраф. Ко всему привык, и все было интрессо в этой волеи настоящей мужской жизни.

Обидно стало, когда расставало со службой, с друзьями, с командиром. Думал: на гражданке все можно испонить — работать, учиться, заниматься спортом, потому что молад, доброд, грамотен, и все же такти в армии было бы лучше...

А тут вышло было одному. Подался в обозачник, в тайгу.

После обозачника гонял пикам по тевьяным рекам, охотничья. Неожиданно вызвали в город и без всяких разговоров определяли: быть ему лесничим заместо отца, в штаб. Ко всему привык. Тут нужно быть и солдатом и хозяином — дховником тайги.

Перелерал в таскельн одиноким дом. Простерен, шедро скрот: хоть четыре свадьбы играл! Началась опять новая жизнь. Как приказ, в котором один только смысл: испонить! Соруж верст откамышь верхом, а в зимы еще воемсадет — то на лошадине, а то пешком. Каждое дерево на учете, каждую гниаль — на сжог.

III

Он помнит, как год назад, через несколько дней своей новой службы, навздался перепроверить по документам с пуганым обходчиком, которого он еще не видел, но знал понаслышке, зная, что все величайше его уважливее: Анисим Федотичев.

У добротного дома с застройкими, на который ему указали, стола, прислонились в воротам, усаытай адыда молодогощного вида, вышитый заповоржен.

«Завороже!» лиду савину на затылок форменный феторчик железнодорожника и на вопрос: «Доме ли Анисим Федотичев?» — радостно крикнул: «Он сам!» — а подав руку, осведомил:

— Тут халому стучу!

Шубников не понял вначале, а когда Анисим Федотичев уставился на его форму лесничего, разгадала серебряные веточки, объяснила идею своего прихода и услышал категоричское:

— Кто десту? В дом!

Шло хозыя историко, кивая направо и налево, и после каждого кивка помылкала: «М-да!» — и Шубникову подумалось: «Сразу видно, хозыня исправный!».

Направо — рабочие сети. Налево — стелажники помяны. Направо — старая разилье шкафа. Налево — чистые оза и отпрятая дверь в отпрятый дом.

Когда Шубников отстрал сапоги от пыли, то краем уха услышала женский шепот:

— Кто это? Твое начальство? — и историчский ответ:

— Гость. Соседняя служба! Накрывай по-парски!

Пока хозыя накрывала на дум и устанавлила его стаканями, халодном, боржом, меджекатной, баранчик, солными оттонами, помидорами и капустой, жареной рыбой, динями и чинамом, полагая, что разный сорта, Шубников понял, что обходчик очевидно, притворился к данному разговору, и увидивша тому, что хозыня старалась показать, какая у него добрая жена, что все это у них в доме по форме и чести.

— Знакомьтесь. Мое, хм-хм, закоренная супруга, Малынь. Из кержачки.

Малыня крепко вшпундела румянцем, хмыкнула, посуровела, притворилась:

— За стол не сяду! Всегда они так шутят.
 — Значит, вы знаете, что я человек новый, — начал Шубников.
 — Наслаиваны! Кто! Я подвизываю этот маленький божалечки под стать краю нашему. Урал-батюшка!
 Пригадывался друг к другу. Всмотрелся в глаза.
 Шубников приступил прямо к делу, когда Маланья отошла к печи и загремела ухватками.

— Вот в чем вопрос... Вот по какому счету я вас навел...
 Дело сводилось к тому, что по обеим сторонам полотна нароста и идет приступом к насыни много разной гниль, сохнет на корню, заболочивает перемычки. Вопрос состоит лишь в том, какими силами все это убрать, упорядочить. Железная дорога кивает на лесничество, лесничество — на железную дорогу.

— Как вы думаете, Анисим Федорович?
 — А что тут думать! Тут надо думать! Непонятно! Думем в трубу: соберем ваши и ваши рабочие бригады, а с ними и весь другой честной народ, гадаешь, и дело свалится, Так?
 — Так... Да-а... — Он думал о том, что действительно было бы здорово все организовать так, как советует Анисим Федорович, и все-таки для верности спросил:

— А кто первым дунет в трубу? — И когда услышал в ответ: «А кто же! Раз дорогое пожар грозит!» — улыбнулся. Дом, наполненный тишиной, в которой мелко позванивали вилки, лениво дымилась дутная печь, вместе с лесной; добротная древняя мебель и заставлял здоровая сытость за столом напоминать Шубникову о его просторном пустом доме с такой же широкой деревянной кроватью. Спал он на ней одиноко, всегда почему-то к кирпичу и не ощущая стену спиной. Разомлев и раздобрев от сытной еды, Шубников уперся блуждающим взглядом на кювет с фотографами в углу, почему-то рядом с иконами, только ниже. Оттуда из угла гадали на него две особы женского рода: одна строга, вся в бронзовых лучах, в церковном одеянии — это иконы, другая — вся в белом сиянии на фоне лес с улыбкой на полных губах. Обе сливались в одну и презрительно улыбались. Мда, шня, вгляделся!

Он спросил у Акимы Федоровича про ту, на фотографии:
 — Это кто?
 — Аль не узнал?
 — Никт.
 — Что, хороша?
 — М-м... королева.
 Ясно, жар-птица!

Бровь от света печи, Маланья обернулась, протянула руку по направлению к жар-птице и чуть не задохнулась от гордости:

Рисунок Бориса АЛИМОВА

— Наша дочь! Вот кто! Катюша!
Анисим Федорович подбегал ладьями сюда и хвально поднимал:
— Посвататься!
Шубников покраснел, ступешався и отшел, отпугивавшись:
— А что? Вот только поправлялся ли я ей...
— Это уж ваше дело. А ты посватайся, мы подумаем да и отдадим.
Шубников не сваялся:
— Познаючиться надо. Да притом я и сватать не умею. Как это? Анисим Федорович с хохотом наседал.

— Это ничего. Научим.
Малыня присела к столу и строго, с достоинством произнесла:
— Да что уж ты так сразу... дочку... Первому встречному! Только сегодня и увиделись! — и поперхнулась, поняла, что сказала лишнее, и крепкий румянец опять ударила ее по щекам.
— Ничего, мы люди такие серьезные. У нас ведь как? Отсчитала тыша наша — первыми! Вот она с Катюшкой отсчитала по двадцати годов — пора и так давай!

— Мне уже двадцать пять... — отвяти Шубников, понимая под «и так давай», что подошла пора жениться, а ей — замуж, и только поспевывая, ссутыла Анисимом Федоровичем, который так разошелся, словно сам верил в то, что как он говорит, так и должно быть.
— Отдам с условием: внука заберу к себе! А то в доме моем пусто-та. Была единственная жар-птица, а ты на станицу улетела изразом торговать. Внук — кто ты? Малыня, вера твоя не против, бог твой!
Хозяйка заржала глумливо, и вдруг крупные слезы ее затряслись, и она жеманно смахнула слезы невидимым платочком, забойкала:
— Ой, да мы оба не против, чтобы ангелочка в дом. Какая тут уж вера! Да я бы не твои невесты иконы молилась. Да я бы на коленях перед тобой дить-девушкам стояла! Да и бы...
Шубников расхохотался. Как все славно получалось!
— Ну вот. И ихний бог разрешает. Значит, дело верное. Пожарай на станицу — увидишь Катюшку уже внучку. Познаючиться. Да и домой сюда ее свези. Вера пешком пришла. Я бы сам, да отжелела уже... Лады!
— Лады, Анисим Федорович!
— А да и насчет пива и ашиней зелени у реалс — уберем! Не беспокойся.

Шубников простился, сел на коня, пошел в тайгу и всю дорогу до своего дома пута-колом удивлялся пути.

Он не знал, что был в доме и видел людей, с которыми придется ему познакомиться. Но так вскоре и случилось.

...Однажды он долго плавал по тайге под ливнем, вымок и промерз: промывался с лодочкой в реке. Завернул на станицу и дождался вечера. Катюшка болкала с хозяйкой, которая была предельно довольна. Слы. Он засмеялся неожиданно, когда она всерьез спросила:
— А почему вы судите меня не вперед, а позади, как покажу какую?
— А править умеешь?
— Нет, не умею.
В дороге разговорились. Он узнал из беседы, что ей надоело в доме по хозяйству рабой бить. Мечтала свободной стать. Ушла работать на станицу в перерывный зарек с фруктовой водой, конфетами и папирасами. Ашюба поехала в лес собирать ягоды. Сказано передавать народу! Когда-нибудь и она уедет далеко-далеко и тут же будет сидеть на каждой станице и придирчиво лопухать все, что дается захочется.

Всю дорогу болкала: а вдруг обернется да и обнимет!
А он блаженствовал. Вот ведь жизнь себе и живешь, а потом встретишь первый раз какую-то такую глупостку и веселую, неизвестно почему, и вет уж для тебя человека на свете роднее и милее. Чудо, да и только! С вздернутым носом, с ямочкой на подбородке. Когда улыбаешься, начиняют изумрудно блестящие зеленые глаза, а занытки волос — колечки за ухом — выдвигаются.

Маленькая грудь и зареялая, округлая шея с капелями тона. Голос, в покое поющий, в волнении звонкий, крикливый, в котором слышатся лесное ча-у-и.
С тех пор завистлива на станицу.
Во второй раз она спросила:
— Транспорт-то где твой, в одну лошадиную силу?
Он спокойно услады ее за собой, и, когда прибыл, он пролез ее мимо дома.

Она встревожилась:
— Куда ты? Остановись, слезу.
— Ко мне.
— Как это?
— В гости!
— Останови, слезу. А в гости обещаю в другой раз.
Вошла в свой дом, потом вернулась и, краснея, шепотом погрозила:
— Наутра, прями...

III

Малыня задыхалась, тревожилась и думала о том, что для Катюшки женить-то, наверное, живит в другой, в золотой стороне.

Анисим Федорович сидел, молчал, хлелая, как работая, окрошку и кашпала. И сказал дочерей:

— А ведь тебе святая приходам.
Катюшка заинтересовалась:
— Кто такой?
— Да тут, с конем один...
— Не знаю такого.
— Лесные он.
— Это как же, сватать? Без меня... Вот еше! Чудно кто-то! Да я и не видела его!

— Зато он все глаза на тебя проглядывал, фотографии просматривал. Попривалась. А человек, притворился. Это, говорит, кто, что за красавица! Королевской прищипка!

И Анисим Федорович и его жена обиделась на дочь за ее непочтительность к такому важному событию, как будущее возможное сватовство.

Их обиды выразилась в молчании. А она только смеялась.
Первый раз в жизни ее сватали!
— Я хромой притворился, вот что-то будет!
Без матушка сидела бозяво и только иногда вставляла словечки.
На третий раз она сказала:
— Привалю, дочь. Целю себе зная.
Отец кивнул. И вдруг Катя рассердилась:
— Уж не вы ли прискакали! Если по-вашему думать — вот и ищи кто из них! Мало ли с конями и телегами на станицы томятся! — А сама вспоминала, как в третий раз она прибыла и спросила:
— Где-то мы с вами встречались?
— Она уже мягко и нутяво ответила:
— Прислалась, наверное.
...Все это было и осталось в воспоминаниях.

IV

Там, где он всегда купался и плавал, у берега было известое дно и только на глубине тамас песок, до него он допрыгивал.
С помощью лодки достали волочущий четыре каменные палты — плащидку вместо лестницы, уложили их на берегу под черемухой, распоросили и сгары, чтобы переверза обрыв.
Здесь было высоко солнце, вода и густой прохладный тени.

Теперь загорел, нырял, сколько душе угодно, хоронил в травах и сии, нома не присилится кто-нибудь.

Вечером же тут все было, как в рай.
Только в провалы Ивана Шубникова в рай не райские купли с збоками, альпелинами, магдаринами, а сплошная тайга, потому что там свете лодки не работают и все заросло.

— Остановивший ашюб шир солнца застряла в соснах и не терпелась ни поспустить, ни скраться. Пыльневые столбы сноси плавуют, тонкие воды реки словно устали плавать из красной воды. А тишина такая, что слышен полет отравленного ашюба.

И комары не допекают — висит в воздухе.
Катюшка любима этот рай.

Встали тело в небо, расквату руки, словно обняв солнце и прижав к груди, уходила под воду, в габунцу.
Шубниково чудилось: вот-вот вынырнет и займистое сообрайт:
Я солнце купал!

Потом засмеялся от счастья.
Ана, показавшись, откинула черные водоросли волос с глаз и губ, пошла легко и красиво, словно в обнимку с рыбами.

Ашюба и похотывалась, плещая ладьями по солнечным лучам, плавающим рядом. Катюшка плавно перенерывалась и ныряла прямо в них — становилась золотой, словно божия казка.

Шубников сидел, любовался ею и думал о том, как счастья, и тревожился о сине.

Два года прошло — и тайко!
Потом он радостно пригнал в воду, подымался к жене, ловил ее, обнял, палью с ней к берегу, подбегал спуска уползнуло. Все-таки он болвал за нее. Они забиралась в горячую, шестидесяти, потрескивающую траву и скрывались в ней, отдыхали, беседовали все о том же. Он с немным восхищением печально смотрел ей в глаза.

V

С утра Анисим Федорович был не в духе. Если по порядку, как он сам полагал, то дело сводилось к причинам, которые любому голову заморочат. Выдал дочь замуж, освободил парня, свободу громкую гулял на всю округу недалеко целую... Уже годы складываются, а обещанного внука нет!

Вот и надеяся каждый день!
Сегодня он отплавал по шпалам верст одиннадцать, пропустил аэлектровоз и на тысячную спалая привел отдохнуть.

От сени лод, вышло великое медальным ходомом.
Стареть не очень-то приятно! Но у Анисима Федоровича только в полночь появляются всякие важные деуды.

Сейчас ему необходимо было пригнотиться к встрече с зипем. Ему было непонятно, что лесля ему эта встреча: горечь, радость или успокоение.

Он думал: человек живит на земле для радости. И солнце, и разбойный громовой ливень, и вот-вот готовые лопнуть стекла оном, таящие деревья, покрывающиеся дом ветрами со всех сторон, завояния, ауной и солоний, сонный ливень, лодка на лечи и прудреный низк испалыт — все это для радости сердцу!

Для него счастья самой главной, самой важной радостью было бы сообщение о скором и точном покаянии внука.

Кроме всех радостей, приятных вещей, существовать и другие, ну, например, создание того, что твой ро-формация будет продолжен на долгие века и будет вечно продолжаться.

Зять не появлялся. Где-то бродит он там по урманам — шестидесят на восемдесят километром — на коннице, сам в полной шире и ждет не дождет расквета. А сквета сквату к тугу не протравится.

— Они встретятся неожиданно.
Налив хоя, Шубников выехал из леса и сразу увидел теста. Анисим Федорович сидел на реалсах, сторбил спину, о чем-то думал.

Услышав ржание лошади, он обернулся, и Шубников помакала ему руку —
— Здарствуй, батя!

— Здарово, Иван.
— Уста, батя!
— Дит! Притворился немало отпачивать по шпалам.

— То-то я смотрю — не слышался ли тебе сегодня, уж больно груст-но было у тебе.

— Да нет... О жизни вот немного задуался. И дело наше опять ка-

кой! Вот все, что крутом, на нас обих лежит. Я дороге берегу, ты — поарцства твоего.

Закруналы.
Чувствовалось, что этот разговор просто о том о сем, и Шубников знал, что главная беседа будет впереди и поведет ее Анимис Федорович.
Вокруг молчали березы. Их сердообразные полосуемые листья жаждали влаги и солнца. Сосны наизямы и разлпстисто похлопывали их покрову и поднимали под себя.

Шубников усмехнулся.
— Ну, как там Катерина? — Анимис Федорович крикнул и натрился спроста о главном: — Здоровье ее как? Ты от меня, Вяз, не скрывай, когда что.

Шубников пошутил, но так вымекнул testi, и ответили: — Говорит, никуда пока нечего. — И увидел печальное и сразу постаревшее лицо testi.

— Вука бы мне!
Шубников вздохнул и улыбнулся.
— Неприветной!
— Два года, как вы поженились. Ну, а Катерина... иногда ревет, поди? — Все время поет!
— Поет Ум... Значит, впуск гарьстый будет! Ты, зятек, берешь мого деда. Боюсь-стрелочка, я за неа. В разговоре деле сам знаешь, как... Не сбавляй бы со счета. Молода еще... Поет много, горшится!.

Встал.
Мимо с грохотом промчался товарняк. Машистик помахал им рукой. Анимис Федорович сил ферманный крикнул: — Ну вот, Анимис поведасован. И делу концы! Я возвращаюсь по своей железной —

— А я по тропкам. Кат-то, чать, заждацца.
— Ну, бывай! — с душевной грустью проговорил на прощание Анимис Федорович и снова шагнул по своему бесконечному железному пути...

VI

Узнал от Катерины, что она ждет ребенка, Шубников зашелпна. Заспешна к тестю. С высокой льстой горы, стая на большой гранитной скале, смотрел на все округу, будто прощальна им встретился впервые.

Тайга была внизу.
Она дымшала под ним, как губниное зеленое море, и несла его впадалу наверх к реке, и озера, и мосты, и деревни, и дальние облака над ними.

Все вокруг здесь было знакомо и как бы внове. Сейчас он задержал свой взор на синей мерцающей ленте железной дороги — она опасасовала вправо от одной стороны — и на открытых техных карьерах рудника с рабочими посиделок около — по другую.

Это он, Шубников, вывел однажды геологов к этому месту. Он вспоминал: когда-то он долго не мог выбраться из Каминного урочища, кружил меж двух вымывших тор с одинаковыми речками и подолжой. Простая отдалу на валу — и ахуки! Корнища сосен вырвались из плена карбо-синих глыб. Взглянула в небо — все гора из железа! Он сразу узнал красную руду, в школьном кабинете было точно так же, только кемшидов. Выход одной такой камень на всякий случай: всякий раз нужен спешкой. Голос! Потом забав об этом все уверился — померещилось, будто это железная руда. А однажды, делая переход от одной из льспых стоек до другой, он знал их по округе сотли: в них были геологи, рыбаки, лесорубы, охотники-манси, группировки оленьих стад... набрал на мизуку.

На всю ночую тайгу орау заглушенный на полную катушку невидимый транзитор... Мужской голос каллся в песне: «Мей! станьш бабушкой, все равно ты будешь бабушкой». Увидел кончик и около развороженности: на дачи, на теологов и рожок, только пущие консервные банки акуратно сложены под поменовой кружкой сосной. Когда он молча подошел к костру, они раздвинулись и дали ему место, и один из них подал лачуну, чтобы он прихрува трубку. Кто они такие и как сюда забрались! Когда трубка раскуривался, он сказал:

— Здравствуйте!
Черные, в крепкой походной одежде, они хором ответили:
— Здорово, пареня! — и рассмеялся.
— Кто такие?
— Тайга — наш дом.

— Прекратите шумки! — остановила и погугила смех четвертый, постарше, выпешид из ночи, сел на камень, развернул на коленях карту и текла далыцем в какой-то местной меридиан.

— Встреча у нас состоится здесь. Мы на верном месте.
И тогда он подал свой рожок:

— Засы у вас встреч не состоится. Это место очень похоже на другое. Посмотрите на камни второй горы: Любопытные глыбы.

— Посмотрим! — сказала четвертый и погосрала. — Ведь нас.
И он вывел их. Вывел к товарищам. И только тогда он уверился, что это геологи, и четвертый взау у него адрес.

Как-то ночью натравилу к нему на асешаля.
— Мы за тобой, Шубников! Бдем! Ты счастливая! — сказали они ему, Уволась его. И нрав усталого его целую неделю, наперобой показывая, ли тяжелые буважинки, в которых — смотри-ка! — семидесят с чем-то процентов чистого железа.

...И сейчас счастливая.

VII

Весь день он с удавало, как добрый молосел, гарцевала по тайге и пела песни, вконец, без разбору, жаже приждал к голову.

То, что поведала ему жена, с распылшинами от слез глазами, в кото-

рых были и страх, и радость, и удивление, — все это нужно было как можно скорее сообщить тестю. Сблизил с братином втуго.

Он вышел из тайги на дорогу, и конь сразу отпрянул назад, приседа на них обрушила скрежещущий чутунной громадой товарный поезд, и, похозяски огулаши их и каждую минуту гудком, учмался даль.

Шубников сива кепку и помахал ему всада, как другу.
Это ведали его руду тада, где товарняк прождат замалешным ходом мимо станции и всада ему многозначительно и обязательно тоже гзглянет, как दो обходчика и как жена лесничего, Катюшенка — буфетчица на станции.

Не было уже в предвесенней тайге тишины, она потрескавала, шумела, залязкала подлыми птичьими голосами, а была в ней и размазнувшее на полсвета синеву огромное небо, и солнце в нем, доброе, пшеничное, и белкоопаемые березы в ярких желтах покрывала, и черные ваготки с рудой, увозившие ее в глушь горного Сиверного Урала, куда-то к далекому новому заводу.

Все это уже носила свой, особый смысл, назначения которого он еще не понимал, но ожидал как томительно-сладостное приближение чуда, которое было неполовно жизнью, радостью и снетом.

И все это закармливал в самом, великом — рождении человека.

Три главных события были за всю его жизнь: армия, железная гора и любовь... К ним теперь прибавится четвертое — сын, который будет жить и жить в этом большом зеленом мире. Станет он в свое время, нем залочит все рубить — маторубом, пожарами, тушить — ланником, пути берез.

И все путь Шубников держал вдоль полотна железной дороги и все поглядывал поверх насыпи: надевался наконечно-то все-таки увидит testi шаговцами по шпалам с молоточком, вызывающим своим путевую металлдикусую мелодию.

Мимо мчались пассажирские поезда, но больше — товарные, с открытыми платформами, доброто груженные все той же самой знаменитой рудой.

Коек лесничего почти уже привык к движущимся железным громам, есаа они не орали гудками. Он чутко фараля в ответ и настроено ко слуху.

Уже начинало смеркаться. Накрпавала дождичек. Желтые шубы берез отжеледали, расплещались, а сосны стояли с косыми, словно обрубленными черными ветками.

Шубников с извладим сердцем и душевной горечью понял, что сегодня с тестем ему не придется встретиться, наверное, тот вызывался свои симфонии в другой, обратной стороне, аж около Голубого урнана, там, где уже начмается туман...

VIII

...Катюша ждала Шубникова в ярко освещенном дощатом ларьке с белым заломом на плече.

Он улыбался и первое, что хотел услышать, голос жизни:
— Промок! Устал! Не вышел ли чего, Ванюша!

Он стюмо скачал по дороге, чтобы сообщить ее отцу о той радости, которую он чувствил в своем сердце.

— Дай передохнуть от радости... Я, Катюшенка, выпью, когда мы со всеми родичами вместе соберемся. Ну говори, как ты, что, кто, кого идеала! — И заторопился.

— Мануку, сказала я ей...
— Мей!

Когда Катюша повернула влево, в сторону окошка, за которым хластала лошадь, и он даруг увидел ее лицо, а особенно много лицо: сияющие глаза, ругленные щеки, завитки волос над ухом и как бы чужие, затвердевшие губы.

— Скажешь бы надо... бате.
— Он уже, наверное, знает! Разве матушка промолчит!

— Что же ты все зареваешь! И сейчас сплещи...
Катюша погляддела его по плечу.

Первый раз, чать-то, боязно! Мануке тоже, когда меня носила, ре-вела...
— Поехали!

Он засмеялся.
— Н-но, мотоцикла в одгу обладанную силу!

Он сидел на асешаля, как всегда: муж вперед, жена — позади. Она крепко обхватывала его руками, словно он убежит, укачет... И они едут не спеша, асешаля набет шитом. Он влет, а она делует его шнел, тветится, силась достать губы и дует в ухо. Он знает: это значит, нуже повернуть голову назад.

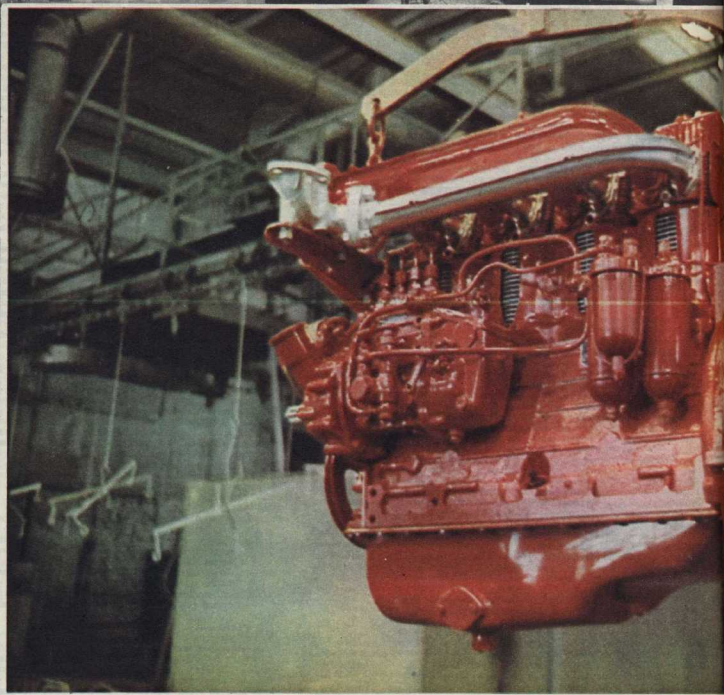
От станции дорога впадала по торфяным восторкам и нырнула в тайгу. Из-под тути на алаовое небесное пространство выплывала пушистая дождящая рудата и, утешившись, подставив разноцветное колесо под лопатки солончакные асешаля и стирывался, запыляла.

Шубников усмехнул голос Катюши:
— Да смейте же, Ванюшка! Ведь лебеди в небе! Вот-вот, летят!

Белые лебеди поднимались из тайги вверх, к укачу, шпылались в нее, как в ворота, становились разноцветными: розовыми, зелеными, голубыми, синими и оранжевыми — играла рудата уползала от них все дальше и дальше и густела, они насталили ее, а потом поднимались и вымывали вверх. И вот ведь какое дело, они стремительно облетывали по круту ее орбиту.

Это был их путь по небесной бесконечной дороге на юг, их сказочный полет над тайгой, над лесным дождем, над лесным дождем, по одной из которых имела лошадка оборотом несла на себе двух сыстных людей.

Лошадка тоже неторопливо входила в рудату, как в красивые беспумные ворота, раскрывшие всем навстречу.

СТО ПРОФЕС

Элла ЧЕРЕПАХОВА,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)
Специальные корреспонденты «Смены»

Наш рассказ — о Владимирском тракторном заводе, о молодежи, прочно связавшей себя с ВТЗ интересом к своим профессиям

ВТЗ

— как и ребята, которых вы видите на снимках, — молод, ему лет и тридцати. Он возник в годы войны и начался с нуля. Ветеран предприятия, заместитель главного инженера И. Ф. Литваковский, рассказывая о заводе, повернулся к окну кабинета, показал: «Вон там, где прессовый цех, мы в войну картошку сажали. А там вой, где экспериментальный, лесок был, на охоту бегали зайчиков стрелять...»

Пройден путь от работы над колесным трактором-универсалом с керосиновым двигателем до мощных, современных 40-сильных машин, Т-28Х5 с двигателем воздушного охлаждения, которых не выпускают пока больше нигде.

Литваковский в беседе бросил мимоходом фразу, что завод, учитывая пожелания заказчиков, разработал 50-сильный Т-26Х4, и летом 1968 года он был поставлен на производство для навески на него 4-рядной хлопкоуборочной машины, пришедшей на смену 2-рядной. И так, это вошло в производственный быт: придумать, спроектировать, испытать, исследовать на заводе... И кто же занимается этим? Разумеется, прежде всего конструкторы, инженеры. Но не только. Рабочие тоже. «Конечно, «рабочие тоже» могут, — возразят скептики, — гайку привернуть, провода зачистить, сбегать куда пошлют. Знаем...»

В ответ на это можно возразить многое. Для начала скажу, что завод, кроме литейного, кузнечного, прессового, тракторосборочного, трансмиссий, моторных и других цехов, располагает огромным числом лабораторий.

СИИ завода

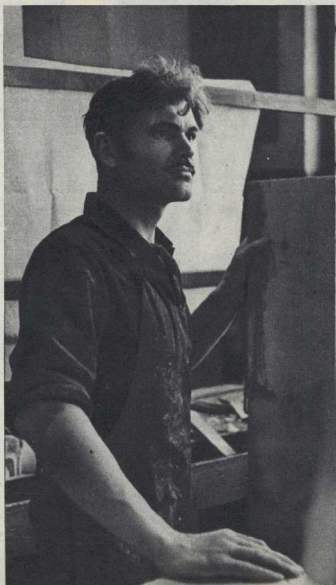
МОДЕЛЬЩИКИ

На заводе, среди металла, модельный цех выглядит неожиданно, но существует не случайно, а как один из главных «точек».

Машин пугались чуть не с первых шагов индустрии: вот-вот она съест человека. Однако не съела. И никогда не съест. Как раз машинам будут отдавать наименее интересную работу, оставив себе то, а чем играть научается уже человек: проектирование, исследование, усовершенствования, которым нет и не может быть конца. Это касается и производства. Конечно, речь идет только о тенденциях, о силности развития. Но посмотрите, например, вот модельный цех, участок «деревяшников». На заводе, среди металла, например, кажется символом современного производства, он выглядит неожиданно, но существует не случайно, а как одна из главных «точек». «Деревяшники» делают штамповые плиты. Изготавливают в штамповом цехе по этим моделям штампы — и возникнут затем облицовки транзистора, задние левое крыло, кронштейны, рычаги ума в металле (в кузнечном и пресовом цехах). Оснастка гидропресса и гидроуала и другие хитрые, тонкие детали трактора — все зарождалось здесь, в Дереве.

Старый человек, мастер Иван Иванович Крылов хорошо сказал: «Дерево и земля — всему отец и мать. Дерево — у нас, а земля — в литейке, куда уходит все наши изделия». Страна и трудно выглядит рядом со станками модельщиков-металлистов «картельное» искусство деревяшников: длинные столы, ручной инструмент стелеров и плотников, тонким голосом поет круглая механическая пила. Жужжит шершавый губчатый шифовальный шум. На вышках, подпихах перед каждым деревяшником — многочисленные чертёжи. Длинная бледно-желтая еловая струна, свернутая тончайшим папирусом, лежит на столах. Модельщики в стороне от чистого прямоугольника доски набрасывают на липовой дощечке «принципы» будущей работы.

Среди модельщиков хорошо принимают ту, кто приходит сюда из художественных ПТУ, с отделения красдеревщиков. Но и те, чтобы делать эту сложную работу, должны научиться мастерству: делать. Оттого так медленно приходит чело-

ван и высшему разряду. Индивидуальные особенности выступают здесь особенно полно.

На участке деревяшников — человек тридцать. Старейшим исполнителю самую трудную часть работы — стержневые лопатки, которые уходит в литейку. Там по ним делают стержни, ставят их в форму и потом получают, допуская, детали картера. Такие вещи под силу спецам 5-го разряда. Мы их видели: А. А. Кузнецов, Н. А. Першин, С. А. Веленев — эти люди, как говорится, уже не первой молодости, и все как на подбор спокойные, молчаливые, упорные. Про Веленева и Першина Крылов сказал в виде высшей похвалы: «Знаете, чего эти люди сделать могут? Анаэонский картер! Ей-богу!»

Модельщики свой труд уважают. Почти все юноши, которые до земли прошли тут курс, вернулись назад, на старые места. Это символично. Вот Саша Кингин, он не улыбочка, не шипко речист. Когда мы познакомились, он делал финишную работу, а сущности, не такая уж, по меркам деревяшников, сложная. Поправля местный синий фартук, глянул темными жестокатыми глазами в чертёж... Потом пошли в ход линейка, стамеска, рейсмас. Работает усердно, отвлеклась неохотно, потому что «внимательность, а работу умножает энергию и скорость. Отчего он так усерден? Саша отвечает с усмешкой, что «собирает деньги на кооператив, там что-то хорошего лодья гонять». Конечно, такая цель, как «свой дом», подстегивает. Но вот у других его товарищей есть уми и дом, и телевизор, и мотоцикл, и усердия и терпеливой любви не убавлено же. Саша чертит на брусках сложную сетку, стремительно заштриховывает места, где будут «запилены шипы», идет и ленточной пилой. Это необычайно точная. Большой грубоватый парень водит напряженными губными пальцами бруски под зубцами пилы так нежно, осторожно, чутко, как пертилка чабрец, когда кладет строчку, как вышмивальца на машине — узор.

У Кингина пона 3-й разряд, он может не делая работу сделать, его местоюбие пока в том, чтобы то, что ему уметь полностью, делать именно, как ничто. И он живет в этом направлении. Это, наравное, и есть то глубоко личное, стимулирующее «творчество» чувство, которое называют «рабочая гордость». Среди деревяшников ИТЗ нет тучности. Просто нет. Почти процентов, в Крылове, в его «картели» бегают с просябами из самых «модерных» цехов. Например, из экспериментального. Это мы сами видели. Приехал говны, запыхавшись: у них так цибридуго модернизируют — делают скорой модели!

Кругозор современника

С чьей-то легкой журналистской руки соревнования по поднятию тяжестей часто называют олимпийской игрой. Смотря на помост человека наярива, налитых словно ковчег на металлы мышцы, на вытянутых руках взмывающих звенящая штанга — и сравнение с железом, сталью само прояснится на язык.

Только при чем тут «игра»? Скорее уж борьба. Борьба с земным притяжением, со спротивной штангой, которая, не подвывая атлету, с грохотом падает на помост. Наконец, с соперниками, у которых нуно выиграть килограммы.

— Как считать главному в ней? Силу мышц или силу нервов?

— Поклонники разных видов спорта иногда говорят о штангистах:

«Грузики. Подняли, опустил — вся хитрость».

Хитрости действительно вроде бы и нет. Только вот груз все-таки ядовитее тебя. Нуля волею...

Я спрашиваю Рудольфа о психологии борьбы человека с металлом.

— На помосте во время подъема штанги психологичней штангов, и борьба лучше, если ее нет. Спортсмен должен быть отключен от внешних раздражителей. Сила мышц, сила нервов сосредоточиваются лишь на одном — поднять вес. Переживания являю.

— Значит, выигрывает человек без эмоций, комок мышц и только?

— Совсем наоборот. Мне кажется, и занятия спортом вообще и штангов в частности более пригодны людям легко возбудимым, «звонящим». Психологи называют их «классическими» — жолеры. Конечно, тренировки могут компримировать или развить психологию человека и при этом...

А, собственно, почему тебе интересен спорт? Ты ведь атлетик?

— Вдруг спрашивает он сам.

— Мне кажется, что за внешне спокойным ходом соревнований скрываются бурные страсти и нервы играют не последнюю роль.

— Так-то оно так. Но ведь, тренируя тело, штангист тренирует и свой дух. Так что главная психологическая борьба разворачивается не на помосте.

— А когда же?

— Мне только вначале впервые преступил порог тренировочного зала. У него ясная цель — стать сильным. Конечно, для каждого тренинга особый относительно. Один хочет накачаться не хуже, чем у соседа сверстника. Другой прицеливается к званию чемпионов.

— А как же планы различны, оба должны быть готовы и одному, и другому к началу и к результату огромной дистанции, изнурительная подготовка, физика работа. Ну как сила воли, что заставить себя выполнять ее, волепоноу, на первый взгляд бесцельно, потому что за нынешний результат не прилетит. Он сидит в голове. А не в мышцах?

— Многие знают ведь о греческом героине, вилоне, который, чтобы развить силу, каждый день поднимал теленка. Многие рос, с ним занимался олимпийски. Наконец, он поднимал уже взрослого льва. Мид являлся винтом. Но много ли, даже из тех, кто хочет стать сильным, согласны повторить путь легендарного грека? У кого-то ли хватит воли на повседневную черную работу, даже ради блестящего результата?

— А как рос твой собственный «бычок»? Сколько на это ушло лет? Когда и на каком занятии? Ты штангов, выиграл 50 килограммов, мид много ли, даже из тех, кто хочет результаты 155, 142,5 и 182,5. Мид эти результаты лентит 12 лет, что все-таки является главной причиной, заставляющей конюшут стать

штангистом? Вот ты, например, как пришел на помост?

— Мой пример не особенно типичен. Спортсмен улетел я поздно, двадцати двух лет. Ну как заставлял; у меня был компримированный период детства. Посвятили укрепить тренировками. Занялся борьбой. Потом, что набраться силеном, штангов. Она была вверх и над борьбой и надо мной; бросить ее уже не мог.

— Ну, хорошо, когда ты одолел спортис свою волю, почему не бросил его?

— Появилась новая цель. Мне казалось, что человеческий организм с психологической точки зрения неисчерпаем. Ну и только раскрыть его. Это и побуждало думать, на что сам способен, выжать из себя максимум.

— Свойственна ли другим подобная цель?

— По-моему, да. Во всех случаях, многим. Победить соперника — радость. Но победить самого себя — радость вдвойне.

— Подожди, Рудольф, — говорю я, — есть же и другие побудительные силы, которые приводят человека к помосту. Частобоем, например. Желание быть самым сильным. Одного устраивают масштабы района.

Другой заманивается на лавры мирового. Ты ведь не будешь отрицать, что людям, даже самым скромным, свойственно тщеславие.

— Конечно, свойственно.

— Вот что ты, например, сам ощущал, когда выиграл звание чемпиона на олимпиаде в Токио?

— Радость. Понимаешь, сбывался мечта жизни. Я хотел быть олимпийским победителем. Еще я рыва я готов был и бороться за это звание. Но травма спина не позволила выйти на помост. Пришлось являть еще четыре года. И, поварь, выиграл я тогда в Токио не пошел бы. Оставил

Фото Анатолия БОЧИНИНА

бы помост. Повторение одного и того же не очень интересно...

Значит, тщеславие все-таки подталкивает спортсмена?

— И тем не менее это не лучшее из качеств и не лучший из стимулов. Вот мы критикую людей за эгоизм. А что такое эгоизм? Это когда человек думает о себе. Заботится о своем личном «я». А то, что он забираться на пьедестал почета, причем старается на высшую ступеньку, — разве это не эгоизм? И мы его за это прославляем в статьях, реках, на встречах, потворствуем качествам характера не особенно положительным. Не тут ли зародится эгоизм, высокомерие, «звездная болезнь»? Мы сами ставим перед ним. Вот как нам научиться отделять одно от другого, заслуженный почет, уважение от эгоизма? Ведь на этом мы часто теряем талантливых спортсменов.

Алексей Вахонин — и гордость и боль Плонкфальдера. Он пришел тренироваться к Рудольфу мастером спорта. Тот помог ему вырваться до чемпионата мира. С Вахониным у Плонкфальдера связан самый радостный момент в его спортивной биографии: в Токио и учитель и ученик стали чемпионами. Такого учителя олимпиаде уже не знает.

Но Вахонин принес ему и разочарование. Не только спортивное. Мне показалось, что, несмотря на всю влюбленность в тяжелую атлетику, да Рудольфа мерило спортсмена не его результат, не килограммы, поднятые над головой, а человеческие качества, внутреннее, человеческое «я». К своему ученику он подходит с той же строгой мерой. Я знал многих тренеров, которые совершенно искренне прощали своим воспитанникам неблагоприятные поступки, таланты, мол. О Плонкфальдере этого не скажешь.

— Вахонин — боец на помосте. Но в жизни он слаб. То, что называют «внутренним спортивным ритмом» (а проще сказать: пылкостью), идет от этого безволия, внутренней индифференцированности. Эти качества нуно воспитывать с большим вниманием, чем тренировать мышцы. Но у нас случается наоборот. Вахонин пять, подводит сборную страны. Его критикуют в печати. Исключают из сборной. Но тут же вновь разрешают защищать честь нашего флага: его килограммы лучше, чем у других. Дело не в том, что мы развалили Вахонина. Его пример зарзалили. Мы можем повторить еще десят перспективных ребят, которые увлекут, что, имея мышцы, можно не иметь голову.

— Наш разговор уклонился несильно в мутную плоскость. Проблема воспитания спортсмена, несомненно, важна. Но ты говорил о побудительных причинах, которые заставляют идти в «большой спорт», заставляя терпеть все невзгоды тернистого пути к славе...

— Все это неразрывно связано. Существует определенная социальная, или, вернее, бытовая, психология человека. Прежде чем на что-то решиться, он задает себе вопрос: а для чего я это буду делать? Сейчас найдешь ивет: возможность испытать волеу силу в той или иной области человеческой деятельности. Но вот в тяжелой атлетике прощать себе становится все труднее. Фериды растут, вершина все поднимается, и желание достигнуть ее соответственно падает. Хочешь я выражу свою мысль цифрами?

— Для того, чтобы выполнить норму первого разряда или кандидата в мастера, нуно тренироваться минимум через два, поднятая за тренировку по 12—15 тонн.

— Мастер спорта занимается уже пять раз в неделю. А перспектива лететь...

— Как пробаешься ты в своих учеников интерес к спорту?

Я убежден, что спорт — это здоровая и не делает человека более физически способным, приобретает волю, умение преодолевать трудности, товарищескую помощь, коллективизацию по командам, коллективизацию, подражание, умение делиться успехом. Ну, конечно, спортсмену хочется уметь, знать, что он всеобщий победитель. Об этом уже говорил.

— Каким моментам в жизни спортсмена самые трудные?
— Самые трудные моменты приходят слава и когда нужно кому-то «болеть».

— Почему?
— Потому что и ним спортсмена не только в спорте, но и в жизни испытание. Лавры дают, они могут сломать или правильную оценку.

— Ты испытал это на себе?
— Нет, мне повезло. Я был достаточно взрослым, когда достиг спортивного успеха. У меня уже был тренер, учителя разбираться, что в чем ценно, что происходит. И тому же я рос в рабочем коллективе. Начал тренироваться и сразу стал тренером у ребят, которые тоже работали по работе. Так что все вместе с ними и воспитывать их было интересно.

— Но все же ты тренером и получил образование. Выиграл в первый раз звание чемпиона страны. Пришел в спорт в 19 лет, в 21 — стал чемпионом. Поздравлялся. С чем за раз с кем никак нельзя похвалиться сразу.
— Захотелся, чемпионом! Провалил отставку. Неправильно понял меня ребята. Но было равно и что буду тренером.

— Ну, а второй критический момент?
— Помнить «большой спорт» трудно. Это можно было бы считать достижением, потому что столько лет и сил. Менялись все уклады жизни. Не последние годы. Пришел в спорт в 19 лет, в 21 — чемпион, в 23 — чемпион. Пришел в спорт в 19 лет, в 21 — чемпион, в 23 — чемпион. Пришел в спорт в 19 лет, в 21 — чемпион, в 23 — чемпион.

— Как ты выходишь?
— Мне кажется, что еще в расцвете сил спортсмен должен попытаться понять, какой тренер должен быть успешным и как его воспитывать. Конечно, это неважно, лишь бы коллектив был сплоченным. Тренерская работа. Но и мне нужно готовить зареане, и мне нужно готовить зареане, и мне нужно готовить зареане, и мне нужно готовить зареане.

— Ты считаешь, что, начиная выступать, уже имел многолетний тренерский опыт. Среди моих учеников спортсмены, которые не проводили по тренировке столько же, сколько ты, просто ее прощали.

— А что труднее: самому выступать или быть тренером. И знаешь почему? Вместе с провинцией нервными нагрузками приходит друг. Это неважно, что тренер следит за выступлением своего спортсмена. Это неважно, что тренер следит за выступлением своего спортсмена.

— Во-вторых, неблагоприятная тренерской работы ситуация. Установлено рекорд, завоевав какое-то звание, но это не результат. Это не успех. Это не успех. Это не успех. Это не успех.

— И вот тут для тренера начинается самое трудное. Когда он выстывает, то перед ним всегда маячила спина того, кто не перенес. Это не успех. Это не успех. Это не успех. Это не успех.

— Значит, став тренером, бывший спортсмен попадает на огнь в пойма?

— Пожалуй, так. Но в этом труде есть и свои радости. Победа ученика не с чем не сравнить самому. Когда я в свое время победил, всегда вспоминаю мастера. Это не так. Но не так, но сделать лучше. Но вот ученику просто не всегда было эмоционально, чем тренируешь.

Я спросил:
— Кто был твоим учителем в тяжелой атлетике?
— В обычном понимании тренеров у меня не было. Когда в 1950 году я впервые посетил штат на шахте 4/6 в Ислевске, то пришлось научиться все на ходу. Это было не так. Это было не так. Это было не так.

— Ты считаешь, что в спорте не так важно, кто твой тренер, а кто твой друг?
— Да, конечно. Тренер должен быть человеком, который знает, что он делает. И он должен быть человеком, который знает, что он делает. И он должен быть человеком, который знает, что он делает.

— Я заметил, что о достигнутом Пюшкельдер говорит как о чем-то естественном, как о законе. И рассуждениях о штате, о проблемах, какой ценой дались ему успехи. Его юность началась в годы войны, когда все было трудно. Он сестринским. Зимой рыбачил на студенческой сибирской реке, валал лес... С 16 лет на шахте. Сначала — грузчик, позже — подсобный рабочий. Но он не потерял ни оптимизма, ни чувства юности.
— Другим, — говорит он, — прежде, чем заняться своим делом, надо было понять, какой ценой давались ему успехи. Его юность началась в годы войны, когда все было трудно. Он сестринским. Зимой рыбачил на студенческой сибирской реке, валал лес... С 16 лет на шахте. Сначала — грузчик, позже — подсобный рабочий. Но он не потерял ни оптимизма, ни чувства юности.

— Вообще-то на прав, вспоминая все достигнутое как закономерный итог, это тоже может быть трудом, что иного результата и нельзя было ожидать.

— Мой товарищ, сам неоднократный рекордсмен Советского Союза и мира, как-то сказал о Рудольфе так: — Слава ему слишком дорого досталась. Чтобы так трудиться, нужно быть рабочим штатом.

— Тогда я не спорю. Я плохо знал Пюшкельдера и о его методике тренировкам могу судить только понаслышке. Мой товарищ был на 10 лет моложе Рудольфа и родился в 1922 году. Он покинул школу одновременно. Мой друг так и не сказал своего последнего слова. Пюшкельдер под занавес, уже в старости, показал свой класс.

— В списке виртуозов железной борьбы мой друг оставил свое имя. Но место, которое оно заняло, скорее не соответствует его способностям. Блестящие данные и блестящие результаты — еще не все. Смог ли человек раскрыть весь свой талант, достиг ли он вершин, — это вопрос. Победу, давая самоу громоу, мерить нужно не только абсолютно, но и относительно того, что смог сделать, но не сказать.

Мне кажется, Пюшкельдер никогда не был рабочим штатом. Просто он привык к любому делу относиться серьезно. Но в отношении вершин он не оставляет, самый приличный результат не заметил бы в нем изменений, столь характерных для тяжелоатлетов, ушедших на пенсию. Он все делал, как всегда. Все делал, как всегда. Все делал, как всегда.

заварды. До сих пор любил поболывать штангой. Я спросил, сколько может сделать.
— Тренер мастера выполняю, — ответил он.
— Это в спорт лет.

Благодаря режиму он не утратил ни былой силы, ни выносливости. И понятиями были его отношения: — Почему бы у нас не проводить соревнования в возрасте 40 лет? Мы проводим теперь для подростков, юниоров. Установить стандарты в группе старше 40 лет — это было бы достойно. Спортсмену, пришедшему в группу в 40 лет, надо было бы выбиться из юности, когда он покинет «большой спорт», чтобы продолжить форму...

Я провел с Рудольфом несколько дней. Видел и в работе и на досуге. Говорил с ним о самых разных вещах: о тренировках, о тяжелой атлетике и его методике тренировок. — Больше всего. Нет нужды пересказывать все услышанное. Мне кажется, об этом интереснее будет говорить о самом Пюшкельдере, которую он готовил, или хотя бы в его нынешней курсовой работе.

«Эволюция рывка двумя руками. Я делал это с двумя другими». В переводе его правильная фамилия (Пюшкельдер) значит: полевой плуг. Это не удивительно: испокон веков предки Рудольфа были земледельцами. Удивительно другое. В его рассуждениях о штате, о проблемах, какой ценой давались ему успехи, если плуг обрабатывает почву, если вытащить не отберешь зерна, не вырастает, не не вырастает, не не вырастает, не не вырастает.

— Ну, конечно, сейчас не так. Но интересно, что когда я спросил, кто из штангистов для него пример, он ответил: — Куренков и Божаноский. Наверное, потому что они хорошо выжили.

— Не случилось, что они моложе его и что он не мог бы брать пример на себе в пример. Но он остался верен себе: любил, когда человек добротой относится к своему делу. Я спросил его:

— Как ты считаешь, может ли тренер? — Хотел бы создать свою школу, или, вернее, тяжелоатлетический клуб. Почему? Труд тренера — нелегкий. Заранее себя готовить и неездом. Ступая на этот путь, надо помнить, главная черта его характера должна быть принципиальность. А главная черта работы — независимость.

— Мы с тобой говорили, что взаимоотношения тренера и тренируемого строятся на товариществе и доверии. Это не так. Это не так. Это не так. Это не так.

— А что такое клуб, школа? Это прежде всего право на самостоятельность. Право на самостоятельность. Право на самостоятельность. Право на самостоятельность.

— Клуб должен давать готовую продукцию. Клуб должен давать готовую продукцию. Клуб должен давать готовую продукцию. Клуб должен давать готовую продукцию.

— И потом стать во главе клуба было бы интересно. И потом стать во главе клуба было бы интересно. И потом стать во главе клуба было бы интересно. И потом стать во главе клуба было бы интересно.

— Если ты с помощью своих гра-

фиков умевшь расширить результаты атлетов на несколько лет вперед, то не сможешь ли ты сделать так, чтобы в ближайшие 5-10 лет было бы ближайшее будущее этого вида спорта? — У нас в стране миша в мире! спортивный успех.

— И у нас и вообще в мире. — Конечно говоря, наши перспективы в ближайшее будущее. Главное внимание уделяю рекорду юниора. Страны, которые выигрывают, побеждают, выигрывают, побеждают, выигрывают, побеждают.

— Ты считаешь, что в спорте не так важно, кто твой тренер, а кто твой друг?
— Да, конечно. Тренер должен быть человеком, который знает, что он делает. И он должен быть человеком, который знает, что он делает. И он должен быть человеком, который знает, что он делает.

— Я заметил, что о достигнутом Пюшкельдер говорит как о чем-то естественном, как о законе. И рассуждениях о штате, о проблемах, какой ценой давались ему успехи. Его юность началась в годы войны, когда все было трудно. Он сестринским. Зимой рыбачил на студенческой сибирской реке, валал лес... С 16 лет на шахте. Сначала — грузчик, позже — подсобный рабочий. Но он не потерял ни оптимизма, ни чувства юности.

— Другим, — говорит он, — прежде, чем заняться своим делом, надо было понять, какой ценой давались ему успехи. Его юность началась в годы войны, когда все было трудно. Он сестринским. Зимой рыбачил на студенческой сибирской реке, валал лес... С 16 лет на шахте. Сначала — грузчик, позже — подсобный рабочий. Но он не потерял ни оптимизма, ни чувства юности.

— Вообще-то на прав, вспоминая все достигнутое как закономерный итог, это тоже может быть трудом, что иного результата и нельзя было ожидать.

— Мой товарищ, сам неоднократный рекордсмен Советского Союза и мира, как-то сказал о Рудольфе так: — Слава ему слишком дорого досталась. Чтобы так трудиться, нужно быть рабочим штатом.

— Тогда я не спорю. Я плохо знал Пюшкельдера и о его методике тренировкам могу судить только понаслышке. Мой товарищ был на 10 лет моложе Рудольфа и родился в 1922 году. Он покинул школу одновременно. Мой друг так и не сказал своего последнего слова. Пюшкельдер под занавес, уже в старости, показал свой класс.

— В списке виртуозов железной борьбы мой друг оставил свое имя. Но место, которое оно заняло, скорее не соответствует его способностям. Блестящие данные и блестящие результаты — еще не все. Смог ли человек раскрыть весь свой талант, достиг ли он вершин, — это вопрос. Победу, давая самоу громоу, мерить нужно не только абсолютно, но и относительно того, что смог сделать, но не сказать.

Мне кажется, Пюшкельдер никогда не был рабочим штатом. Просто он привык к любому делу относиться серьезно. Но в отношении вершин он не оставляет, самый приличный результат не заметил бы в нем изменений, столь характерных для тяжелоатлетов, ушедших на пенсию. Он все делал, как всегда. Все делал, как всегда. Все делал, как всегда.

— И потом стать во главе клуба было бы интересно. И потом стать во главе клуба было бы интересно. И потом стать во главе клуба было бы интересно. И потом стать во главе клуба было бы интересно.

— Если ты с помощью своих гра-

ПО ДА

В полном разгаре споры любителей и профессионалов: спорят по поводу поводу: начиная с самого недавнего ансамбля. Но билеты на концерты распроданы на месяц-полтора вперед. И единого мнения радости: «Данле» — есть!

Это не было первоапрельской шуткой, хотя именно первого апреля минувшего года и родилось решение о создании Государственного ансамбля танца и песни Латвийской ССР. Не до шутки было и вновь назначенному художественному руководителю «Данле» заслуженному артисту республики Улдису Жагата.

Надо сказать, что танцевальное искусство за последние годы стало особенно популярным в Латвии. Если раньше республика славилась главным образом массовым интересом к хорошему пению, то теперь один за другим рождаются самостоятельные танцевальные ансамбли.

Улдис Жагата это знал более чем хорошо: ведь под его руководством вырос и окреп университетский танцевальный ансамбль «Данцис», ставший лауреатом Всесоюзного Фестиваля молодежи и студентов в Софии. Но создание профессионального ансамбля открывало новые возможности эксперимента, систематического и целенаправленного отбора лучшего, что танц в себе народное искусство.

Конкурс был не из легких, но паролем его были молодость и радость танца, а молодость, как это водится издавна, трудностей не боится. Пусть сейчас кое-кто из коллег Улдиса Жагаты вроде бы сетует на то, что «лучшие танцоры ушли в «Данле» — мне в этом слышится и затаенная гордость. Разве не примечателен, не радостен сам факт, что среди победителей конкурса большинство самостоятельных танцоров! И не только из прославленных столичных коллективов, но также из Вентспилса, Мадоны, Мазсалая.

Первая программа молодого ансамбля — сколько труда вложено в нее, сколько надежд! Улдис Жагата из тех молодых балетмейстеров, которые во многих древних народных танцах ищут и находят созвучие современности, бережно и в то же время не без смелости ломают какие-то каноны в исполнении латышского танца.

«Данле» показала десять танцев в хореографии своего художественного руководителя. Это интересный, первый столь обширный дебют молодого балетмейстера, и специалисты, несомненно, еще скажут по этому поводу свое веское слово. Впервые танцевальные ритмы приобрела одна из самых популярных латышских народных песен — «Вей, ветерок», и юные денечки показали, что им глубоко понятна душа народа, что они умеют ее выразить в танце плавно и величественно. И — может быть, это покажется несколько парадоксальным, учитывая возраст и темперамент танцоров — наиболее цельное впечатление осталось именно от лирических, главных танцев, созданных Улдисом Жагатой. В сюите «Земляки» это земляцкий танец в исполнении бывшей участницы «Данциса» Дайне Эглице и Аярыса Реубуса. Это «Три юные сестры», где танцорам только, со вкусом помогает мужское вокальное трио. Хореографическому почерку Улдиса Жагаты, судя по большинству его танцев, близки резкие линии, стремительные ритмы; но то ли недостаточно четкий рисунок танца, то ли недостаточно высокое пока исполнительское мастерство привносят порок в обыкновенную светскость. Но это «болезнь роста», программа еще шлифуется, отрабатывается буквально на поту лица. Ведь ансамбль призван стать настоящим профессиональным школой для тысяч и тысяч самостоятельных артистов республики, источником творческой радости для тысяч и тысяч зрителей, переполняющих зал филармонии. Об этом постоянно думают все: и Улдис Жагата, и главный дирижер Гунар Орделавичис, и режиссер Михаил Мубилансис, и, конечно, сами участники ансамбля — танцоры и вокалисты.

Сенчас от концерта «Данле» выносишь одно определенное ощущение: это праздник молодости. Праздник во всем: и в приподнятой игре цветов, и в торжественной душевной приподнятости молодых танцоров при исполнении женщины латышского танца — «Гавес денк» и «Иудайетис» [хореография выдающегося мастера латышского балета Е. Тангевон-Бирзинце], и в тон увлеченности, с каким исполняет песни солистка ансамбля, вышедшая из филармонии Инга Аболтиня. Недочеты, шероховатости в общем выгре этого праздника не то чтобы прощаются, нет, они просто инакомыслят о том, что работа только началась. И что юная «Данле», полагаясь на свои силы, все же ждет помощи от композиторов и хореографов республики. А трудности — они есть и будут всегда, если работаешь по-настоящему творчески, если хочешь создавать новое.

Праздничный танец «Азлек».

И поют и пляшут, когда исполняют «Величаво звучит»...

Солistes ансамбля Марис Рэ-
тэржа и Байбо Экиина.

Сюита «Юные сестры», где
танцовщица тонко, со аку-
сам помогает мужское но-
кальное трио, производит
наиболее цельное впечатление.

Молодые давленцы показали,
как близок и понятен им ру-
ский танец, — вот о чем «Ва-
давайки».

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

ПЕРОМ ХУДОЖНИКА, ПУБЛИЦИСТА, КРИТИКА

Евгений Остров «Познание России». Изд-во «Московский рабочий», М. 1988.

СЛОВО О ДРУГЕ-АКТЕРЕ

Ваш знакомый — пан Гималайский

Есть в Москве небольшой, но любимый москвичами сад — Зринжичи. Есть в этом саду небольшой, но тоже любимый некоторыми — Московский театр миниатюр.

Есть в этом театре интересней и любимей артист — Рудольф Рудин.

Не надо забывать, на какой сцене этот актер, чтобы увидеть весь спектакль. И в каждом спектакле он играет много, много и порой неожиданно. Например, в спектакле «О Маргарити» он исполняет несколько ролей: и дурачливого пещеню, и восточного сатани, и... Пушкина. Но, несмотря на такое разнообразие ролей, мы всегда узнаем Рудина. Ведь он не лепит себе носы, не клеит бороды — внешне он всегда Рудин, но только каже-

дый его герой по-иному чувствует, по-иному мыслит. Мыслит Вот что самое точное в характеристике актера. Потому что его сила в мысли, его обаяние — тоже в мысли, наконец его немедляемость — тоже в удивительной, чисто рудинской манере мыслить. Пусть при этом смешается и его физика, и его лицо, и его одежда, и его манера в театре говорить — паузы. Когда он думает, и это умение Рудина думать на сцене делает его настоящим современным актером.

Трудно, дай и нет слова переписать все роли, сыгранные Рудиным на сцене театра. Ведь это театр миниатюр, и в каждом спектакле актеру приходится играть иногда до десяти ролей. От малютки, до стоища, до двух-трех парней.

Большой, светлый, пронзанный солнцем и ветром, весь такой интрижкий, автобус мчится по живописным дорожкам Приаргата. Выглядывают из открятых окон задорные детские лица и несутся далеко (Гоголь сказал бы: «на сто верст вперед») аволавы песни.

И смену в автобусе, среди голосчатых девчат, в самом эпицентре песни. Иногда пыткась попеть — там, где молчат знакомое слово, ведь девчата поют по-узбекиски. Рядом со мной сидит тоненькая, гибкая, смешливо-серьезная Жена Суходольская и в коротких паузах между песнями рассказывает:

Челю и не в Трускавце, а в Дрогобиче — там у меня родители, там учился в торговом техникуме, потом работал в магазине, заработав на мешко. Но коллентин был маленький и не то чтобы недружный, а какой-то сумный. Заваг и старший продавец — люди солидные, серьезные, за

«в чем я вижу смысл познания России? Говорят, что Лев Толстой, увидев тригунских затылок юнника, понял, что юнник плачет от горя. Это один из многочисленных примеров наблюдательности великого художника, сделавшего больше, чем кто-нибудь другой, чтоб проникнуть за инстинктивную — в подлинное бытие России». Так начинается свое инту «Познание России» Евгений Остров. Юнник, увидевший в заворачивании и гармоничности на первый взгляд разрозненного, многообразного материала, образующего единый сплав. Ну, на самом деле, можно ли тотчас представлять себе, что литературный портрет Леонида Мамута, безусловно, образцовый, единственный «Слово о Рублеве» и повелические заметки на тему «Что такое счастье» не отдельные работы писателя, вошедшие в его «Избранное», а тот мир прерастающий, до единого истории и современности, те «смыслы времени, которые и образовали картину — подлинную и совершенную. Картина

жизни народной и истоков искусства, народу принадлежащего.

Подобные книги не пишутся по заранее разработанным схемам. Впрочем, несомненно и главное писателю предположить, когда он, начав свой труд, может его закончить. Именно так закончил Остров, литератор многоопытный и зоркий, с самых ранних дней детства как бы неслово восстанавливая картину постоянного движения различных ценностей, которые дороги и необходимы сердцу русского человека. Тут и безразличный свет Подмосквы и дорожная встреча с человеком, зарывшимся в себя, как в себя, в «вечное государство» — а распутию у моста через реку Каменную житель судальский подпал обломку камня, обтер его рукавом. Емкость от проматывающей пещины пассажиры забуксовывая машины, не в чужую ни моталась в дорожной пыли, ни добралась бы до дому поспешей. А Алексей Дмитриевич Варганов стоял посреди дороги с обломком кирпича.

ТРУСКАВЕЦКАЯ «БЕРЕЗКА»

РЕПОРТАЖ СО СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКИ

ПОЩА В КЛАДРЕ

Рабочий момент съемки. С кинокамерой оператор В. Белокоптов.

Фото С. НЕЧАЕВА

Артист Московского театра миниатюр Р. Рудин... и его «герой» — пан Гималайский.

весь день не попутат, не помянутся. Только Раба, и все. А подруга моя — вот эта, белая, свежая, услышала, что в Трускавце при новой постановке «Березка» организован хор, концерты дадут, ну и директор тот веселый, душевный человек. Мы поехали, посмотрели, как в этой столовой девица работает, побывали на репетиции — нам понравилось. Родители нас ругали: не сидит как дома, заскочила в автобусах тридцать. А мы смеялись: лучше тридцать вот так, с песней, с шутками, чем сидеть, как в церкви — и днем и вечером. Здесь у нас жизнь веселая, дни летят, не замечаем...

Я случайно вспомнил, господам нашим дружная «настроит», царившей в этом молчаливом колленте, составленном из обидчиков, поварих, уборщиц, и думаю, что, вероятно, в каждом человеке живет пусть маленький, но художник. Надо только уметь пробудить в его душе эту художе-

вую ситуацию, но поучительнее всего заглянуть в свое сердце, в шею своего сердца, в такие отдаленные уголки его «личности, гуманности, теплоты».

На съемки доставили и главного исполнителя — знаменитый медведь-вылазачи «Неподдающийся» — и приглашается «кинематоде», прибыл в сопровождении своего дублера. Настанав Гоши известил, что артист-прессы Иван Курдюков объясняет: «Предыдущий фильм провалился из-за плохих связей с артистами, умение держаться перед кинокамерой, чем в совершенстве владеет наша... Директорский говорит об этом без тени улыбки. Гоша ищет, как привлечь к работе коллентный актер, обладающий, как писали американские газеты после выступления на зимних Олимпиадах, замальса драматическим». — И кому же? — продолжает Курдюков. — И кто же? — Курдюков смеется на почтительном расстоянии (медведи-то работают

О щедрости человеческого сердца написано немало, сказано еще больше. «Добро» — это прежде всего «благ», — в свое время заметил Горький. Но столько бы люди ни обращались и этой теме, она не исчерпывалась. Режиссер Юрий Мулюкин, хорошо знакомый зрителю по фильмам «Неподдающийся» и «Декабрь», в своей новой картине решил рассказать о человеческой доброте.

— Я долго искал подходящий сюжет, — рассказывает он, — и вот неожиданно вспомнил о давней картине режиссера Юрия Казанова «Тедди». Дресированный мишка, всю жизнь проработав в цирке с людьми, однажды ночью случайно полагает в лес. Казалось бы, счастья у животного нет: в отныне перед ним открывается свобода действий, нравов, порядков. Но мишка, не научившись убивать, разорвать, обинать, чувствует себя чужим в этом мире. Накануне, изголодавшись, он возвращается домой, потому что понимает и не хочет больше жить без их ласки, щедрости, доброты. Там,

Леонид ПЕТРОВ

ЕЩЕ ЗИМУЮТ ОБЕЗЬЯНЫ

Есть случаи, когда глазам не веришь, хочется пощупать. Беда, когда, пощупав, пересталось верить не только глазам, но и рукам.

Нечто подобное произошло со мной, когда четыре года назад я впервые побывал в вольтере экспериментальной клиники обезьян Института полиомиелита и вирусных энцефалитов Академии медицинских наук СССР.

Сначала прочел о клинике в газете: в Подмоскovie содержат обезьян и летом и зимой на открытом воздухе. Обнесся к сообщению с понятным скепсисом: либо, думаю, что-то напутано, либо потянулись за сенсацией, не дождавшись окончания опыта. А помыслив подробно какой должен быть: померанут наши ближайшие родственники по животному миру. Тут им не Африка. Говел съездить посмотреть. Благо, что это рядом с Москвой: дугриженный на автобусе в сторону Внукова.

И вот тут, в вольтере клиники, я и убедился, что порой не веришь не только глазам, но и рукам.

Вольтер — это крыша на столбах, вместо стен — металлическая сетка. Под крышей ряды железных клеток. В них деревянные домики и охапки

сена. Обезьяны — зеленые мартышки и макаки-резусы — почему-то предпочитают сидеть не внутри, а на крышах домиков. Шерсть дыбом, морды в инее. К решетчатой стене вольтера намело сугроб снега. А им хоть бы что: строят рожи, прыгают на прутья, пытаются испугать гостя, со вкусом пожевывают... Просто наваждение какое-то.

Владимир Иванович Чернышев, кандидат биологических наук, руководитель экспериментальной клиники, взялся показывать своих подопечных. Он объясняет, как проходит опыт, рассказывает о характере «аэмокшинов». Он, наверное, мог бы ответить на многие мои вопросы. Но, вот беда, у меня нет вопросов. У меня ощущение, что меня ловко провели. А как и в чем — не пойму. Но об этом не спрошусь.

Я захватил с собой кулек карамели. На обезьяньих клетках нет предупреджения «Животных не кормить». Я спрашиваю Чернышева:

— Можно угостить?

— Конечно.

И тут каждая показала свой характер. Одни с достоинством брали конфеты, не гнушались обмениваться со мной рукопожатием. Другие подхватывали карамель на лету, что она, унаши бог, не досталась мене

привороному соседу. Две камины-то мапером ухитрился цапнуть теми же обоями. Ничего не поделался — обаял.

— А почему маршиски без хлостов? — спросил я.

— Пришлось отечь хирургическим путем. В Африке на газлайтинге был термометратором тела, отдавая вабыток тепла в окружающую среду. Ведь его ялощадь — только девять процентов поверхности тела обаяны, а шестидесять — не жароче. Уне при нуле градустов он обаяривается...

— Но ведь у макая хлосты оставаны...
— У того худе олет получше. К тому же они, подобно лисине или собяке, могут сидеть, добротнее тела маршиски, а шестидесять. Маршиски этого не умеют.

— Почему они все время зевают? — На морозе процесс в организме прододат более интенсивно, иному погретости в кислоруде возрастает, и его не хватает...

— Отчего, успокоившись, они снова заводятся кауботом? Или сидят, прижавшись друг к другу, тоже напоянна шар?

— У шара наименьшая поверхность на всех геометрических фигур того же объема. Меньшая поверхность — меньше потери тепла...

Мен попроси больше походил на допрос, а сам я — на доверительного инквистора. И пошел и с Чернышным к какому-то суматману чувством: вроде бы человек мне все показал и рассказывал не таесь, а в все ему не верю.

— В этом и стал адить к нему каждую зиму, выбирал дни поморознее. Я следил за всеми новостями необычного вольтера. У него появились родственники — назвали Вахлина. Через год в снежную пургу на сет появилось еще одно большеглазое существо. Назвали — Метельский. Судился с вахлинским и инквизитором-ветераном Рыжым и Рыжком — Майяем...

— В обещанном успешно продолжался...
И вот эти февралем я снова приехал к Чернышу.

— Ну как обаяны? — спрашиваю Владимира Ивановича.

— Очадуем. Термическая нагрузка, конечно, было колоссальная. Но выдержали. Вот посмотрите...

— Он разворачивает два рулончика радиационной бумаги. На их поверхности термометра. Жирная изломанная линия сампоиса метается между прямыми — вижу двадцать и минус тридцать градусами. — Чельсько, а вы бы приехали к тридцати.

— Чельды два месяца вот так держали. Да еще ветры, валеги, собачья лапа не выдерживала в клетке...
А что же мента сампоиса? Я сам ухитрился обморозить уши, хотя, кажется, на помещенности в клетке. Зима ничтожно с морозом. Если уж эти обаяны выдержали...

— Владимир Иванович, ашшему эксперименту шесть лет. Накапливаем определенные данные, наблюдения. Какые можно сделать выводы на их основании? Подтвердились ли прогнозы, которые делали перед началом лета?

— Начнем с конца. Прогнозов никаких не было вообще. Потому что подобных опытов никогда не делал, да и до этого ну никак, кроме нас — не проводил.

— С чего же все началось?

— Многие страны, и мы в том числе, исследуют жизнь в Африке. Там ведут обаяны для различных научных экспериментов и медицинских целей. Количество взаимных

животных огромно. США, например, аваяают 100—200 тысяч в год. Советские Союзы тоже делают обаяны. Там создана специальная фирма по их отлову. Говорят, что хозяйин фирмы стал миллионером, дела его процветают. Но удивительный факт — в мире используются (при учете неизбежного отхода во время вола и транспортировки) около миллиона обаяны...

С каждым годом их будет нужно все больше и больше. Такими темпами можно поодарить аваяны обаяны в пригородной зоне, соседствующей с другими ценными животными. Уже раздаются голоса, требующие ограничения отлова...

Их разловят сейчас с другим. Большое количество животных гибнет во время транспортировки и в первые недели жизни на новом месте. Мы терпим в среднем десять процентов потерь животных. Но бывают случаи — погибает половина. В других странах это хуже покажется.

Почему? Многие объясняют климатическими условиями, которые резко отличаются от климата на родине обаяны. Но ведь гибнут они и в Сукум, где тепло...

Мы высказали предположение, что главная причина отсва — плохие условия транспортировки. Везут обаяны в вагонах, бастро, на серийных самолетах. Но в тесноте неравномерной, без регенерации и кондиционирования воздуха, при плохой санитарии, в условиях сырости... Теперь добавите: дитя джунглей попало в эти тяжелые условия сразу с воли, что угнетает еще и скучающе...

Естественно, создается превосходная обстановка для распространения болезней...

— Но и климат нужно учитывать...

— Разумеется. Вот мы и решили проверить, где на них влияет климат, где условия содержания и транспортировки. Мы взяли первую партию обаяны на морозе в общем-то желды, да и не к чему. Нам опло проделывать такую цель: мы хотим определить пределы выживаемости их организма. Но без патологий, без болезненных изменений.

— Где же этот предел?

— Мне кажется, что они достигли границы...

— А как начинался опыт?

— Мы выбрали лучших, самых здоровых животных. Хотели доказать их не в помещении, а на открытом воздухе. Постепенно стало холодать, а им хоть бы что. Перемывали в проточной воде. Им было совсем хорошо...

— Может быть, все хитрость в том, что они постепенно, без резкого скачка, привыкали к зиме? Как обаяны привыкли к зиме в Африке в Подкоское даже летом — это все-таки рекий сваянок.

— У нас эти обаяны, что встречают зиму на улице шестой раз. Привыкли к их организмах каменные изменения под влиянием суровых условий жизни? Может быть, появился пуховой подшерсток, который обаяны имеют для теплых диких животных?

— Нет, подшерсток не вырос. Для этого шок нет — слишком маленький. Но вот об одном явлении хотелось бы упомянуть. Обаяны были как-то забыты оди из подопытных животных. У нее под кожей обаяны своей шари в 25 миллиграммов. Это явление так и называется — изменение в организме.

— А на родные у них бывает такое?

— Да. Но это ненормальность. Я думаю, эта патология — инфекция, которая складывается при обаянии выживает...

— Вам, видимо, часто приходится рассуждать о своих опытах. Как вы относитесь к ним?

— К сожалению, воспринимаю как сенсацию. Выступал я прошлым летом в Лиеме на симпозиуме по использованию обаяны для модификации цели. Показывал иностранным ученым свои диапозитивы. Ахают. Удивляются. Сенсационно. А ведь этого мало. Вообще, приходит ко мне, смотрят, расспрашивают, потом резюмируют: что содержат обаяны — идеология, обаяны, как говорят, как роды мне мои подочевные.

Конечно, на это у меня есть основания. Во-первых, такого уж судящего обаяны — макарирус и аваяные маршиски относятся к низшим обаяниям, — что они стали подопытными животными при научных исследованиях для модификации к гибели. Их органы используются для получения различных препаратов, нужных для лечения людей. Выбора тут нет: либо человек, либо животное. Ради жизни человека приходится жертвовать жизнью животного. Ничего не поделаешь, многие функции обаяны сходны с функциями человека, поэтому они являются хорошей биологической моделью для изучения тех или иных явлений, происходящих в человеческом организме...

Во-вторых, в открытом вольтере обаяны не испытывают никаких болезненных ощущений. Мороз? Но они к нему привыкли. Чувствуют только лишь изменение температуры. Но это — главный показатель: не болят и отлично размножаются...

— Много родность у этого времени? Или это полтора? А всего прошло опит штурк тридцать.

— Владимир Иванович, можно на основании проведенных опытов сделать вывод о выживаемости обаяны? — К сожалению, еще не ясно. Видно, что происходит. Но почему это происходит, где заложены ключевые моменты, которые делают чужок этой необычайной приспособленности организма — это для меня пока еще не решенный вопрос. Материя наклонилась больше, но делайте окончательные выводы не то что рано — рисковать. Хочется еще и еще все вывести, сравнить, прикинуть...

— А что говорят об этом другие ученые?

— К сожалению, очень мало. Как-то я сам задавал этот вопрос на одном научном совещании. Один из докладчиков сообщил, что для обаяны обаяны имеют большую «вапас прочность». Когда условия жизни резко менялись, он и полагал, что и человек имеет такую «вапас прочность»? Да и к чему оп? В природе все разумно...

— Но что мешает все та же сенсационность опыта. Вернее, то, что его преподносит как сенсацию. Почему, появилась о нас маленькая информация, называвшаяся «Обаяны на Черныше».

Тут я involно вспоминаю, что сам хотел дать такой заголовок своему материалу, и подумал, что все мм, да журналисты, журналисты, журналисты выхватить наиболее броскую сторону дела... А Владимир Иванович продолжает:

— Ну, во-первых, информация была выдана выходящим из печати. Обаяны, как вы знаете, у нас живут не на березах. А в то время даже временные их прокули по лесу мне не представлялись...

Но, главное, автор информации олять-тан делал упор на необычность опыта, а не на то, что же мы ищем...

Хорошо, Владимир Иванович, — говорю я, — хотя вы и не хотите делать споруальных выводов и президиумов совещаний, может быть, не делавши хотя бы предварительных предположений, мысленно на этот счет? Не будет ополкаться к нам как и окончательный вывод. Это будет одна из наиболее гипотез, не исключающая и других...

— Мне кажется, что все дело в насчетности. Видно, что когда-то где-то было у предков вышних обаяны более суровые условия обаяны, чем теперь в тропиках Африки. А теперь условия, в которых эта условная изменилась... То ли климат стал мягче в районах вышних тропиков, то ли, наоборот, он стал настолько суров, что предки обаяны не выжили в поисках более теплых краев.

Прошли эпохи, но эта способность выжить в более трудных условиях устойчиво передается на потомство в популяции с генетическим кодом...

— Если так, то что случится, если мы вернемся в Африку, в какую-то родину — допустим, в Подкоское — и выпустим на волю?

— Летом, пока мороз будет до боли, пусть они будут опит. Зимой погибнут с голода...

Говоря о выносливости обаяны как об безусловном качестве, Владимир Иванович тоже не отрицает, что это понятие — каждый ученый должен чувствовать ответственность за свои выводы и прежде, чем один из них выдвигает, должен прикидывать и сравнивать долгие годы. Особенно в тех случаях, когда результат опитов переносится на популяцию предвзятым. Так что осторожность его в выводах обаяны...

Но, став на точку зрения Чернышина, я сам захотел продолжить ход его рассуждений.

Каждую осень мы наблюдаем нерелет птиц. Они мчатся на юг. От холода или от голода? Говорят, под действием экстрасенса, который делал, где вода не замерзает зимой, в трескуче мороз можно увидеть диких уток. Значит, мороз им не страшен, а голод — страшен.

Или вот вопрос.

Что стало причиной гибели мамонтов? Иногда на севере находят их замороженными туши. Там, где мерзлота уже не существует, при их жизни, если земля сумела сохранить их теленок. Если так, то были и холода, которые мамонты отличу неперенесли, а может быть, эти холода были кошмарными животными? Летом они шли на север, где было больше травы, мхов. К зиме возвращались на юг. Экстрасенсы и снег наступали резко, мамонты не успевали вернуться и гибли от бескормицы на севере. Этим-то и доверяли на северных оленях, которые их более выносливы к осторонкам соборьям находит на Украине. Лето и весоду, где зима не так сурово...

Помню, лет десять назад я подбирался в экспедицию, искавшую «снежного» человека. Не то чтобы я очень верил в его существование, но

просто хотелось ползаянть в дынях горях. Экспедиция сорвалась. Одним из доводов ее оппонентов была такая: ни одно человекообразное существо не может жить в суровых условиях снежных гор, не защитив себя от холода отмен или одеждой. Я до сих пор со снежником отнюдь не возможности существовать «снежного» человека. Но вот, глядя на обезьян Чернышева, подумал, что у арха протанников такой возможности на один аргумент стало меньше...

Или взять вот такое. Некоторым из животных маршалов страли обидели темпами для человека качествами. Но мы предвзято относимся к ним: невелики, моль, им у нас не прижится. А может быть, мы не правы? Может быть, наш климат — климат родины их предков?

В общем, стоило пойти вслед за предложениями Чернышева, если бы рождалась иная предположения. Но самое главное вот что. Если мы считаем организм приматов моделью человеческого и если эта модель нас удивляет несоблюдением качествами, то сколько еще сенсаций и не раскрытых возможностей хранит организм самого человека? И можно ли мы поэтому так разноразно проходить мимо опытов Чернышева, отделяемых одними «глазами» и «оухами», видя в них только дисадаптацию? В конце концов, почему его эксперимент до сих пор не затантован как наше, советское достижение?

— Ну а какой практический вывод можно сделать из этого эксперимента? — задаю и последний вопрос.

— Мне кажется, что пора создавать у нас хозяйства, которые будут разводить обезьян, подобно иным звероводческим фермам. Эти питомники могут обеспечить наши потребности. Это тем более необходимо, что со временем запасы обезьян будут подорваны.

Разумеется, на этих фермах не надо их держать на морозе. Но не обязательно создавать и тропические условия...

Волны вопросов у меня не было. Прищавил Владимир Иванович поговаривал:

— Сходите в зоопарк, посмотрите на них после этих холодов. По-моему, вид обезьян убеждает лучше любых слов. И одна просьба: будьте писать — главный упор делайте на обезьян, а не на Чернышева. Ведь они победили холод.

Я прошел знакомой тропой через редколесье на опушку. Около зоопарка, на занесенном снегом языке, сидела белка. Она распушила хвост и не знала, бежать или остаться. Осталась. Подпустила лапу на два. Я протянул ей конфету. Она прыгнула под яшника и высочилась с другой стороны.

Я уже и раньше заметил: около обезьян кормится стая воробья и синиц. Теперь суровая зима пригнала на лесу белку...

А обезьяны с прошлого года не изменились. Все тот же характер. Когда я уходил, белка прыгнула с яшника и воскавала по рыхламу слезу. Прогреть было тяжело, она все время провалялась. Наклонил она добралась до дерева и пошла лезть с ветки на ветку.

А знаете,— сказала мне рабочий при обезьяннике,— прошлым летом мы сделали в зоопарке лагу, чтобы обезьяны могли somehow выходить в лес. Так они somehow белки по первому снегу. Целый день бегают, а потом на ночь возвращаются: есть охота.

Хута ГАГУА

Перевел с грузинского
Олег УХОЖИЦЕВ

Дождь

Шумит, толкнется, спорят ели,
Топятся ветки и сушь.
Слетают шишки на панели,
Сплзают на спину платки.
И дождь и ветер пороят спешку.
Они шепчут: скорей, скорей!
Вся вместе гонят впередикну:
Мужичи,
и женщии,
и детей.

Ручьи — как мыши — наудачу
Снуют, чтоб улизнуть в дыру.
А я в карманы рук не прячу —
Маячу фертон на ветру!
И дождь не дождь, когда весь
И ты себя не узнает,
Самель расплаывает ворот,
Может и праздничной юнкет!

Природа

Мы без работы не скучали,
Уда в работу с головой,
Мы днем бы дня не замочили,
Когда б не ошущали зной.

Зара холодными лучами
Снегов толщцу каменной станы
Не проникла, и над нами
Блестит призрачный снам.
Но только горю понемалу,
Терпелись где-нибудь в глуши,
Как сразу
реступались

И свалилась сон с души,
Летели жемлужи со склона,
Рост росы, и туманы,
Сплзая с гор, клубился, словно
Курноси вдалеке вулкан.

Всегодно солнце, и казался
Его лучи юных полней,
И в свете солнца мы казался
Добрей, приветливей, мудрей.

Здесь асы: подпонию и вершины,
Ущелье и речное дно,—
Все было слито водноию,
Все было связано в одно.

И даже сумрачные ели,
Топятся вокруг монастыря,
С землей согласие имели,
Как бы на равных говора.

А день танцуют вереницей
Как-то дая и затакая,
Уже под красной черешней
Закат в полнеба поыхал.

День угасит и зыбно-зыбно
Дроном, невнятный апотьял,
Как будто губитесь улыбка
На остающихся губах.

О, незаметная природа,
С нами щедрая добротой
Твоя земная свобода
Шумит над нашей стуетю!

Воспоминание

I

В час, когда за поселком дымяк
Еле брезжит в раиске зелени,
Так и вьюк: встает невидимкой
Мой отец и глады на меня.

Он не спал. Он пришел поздно
И когда он встает тяжело,
В этот час так и вьюк вьючно
И его в нас все село.

II

Лето. Тихо, безлюдно и сузо,
И какой-то прозвительный звук:
То ли пряжку мотает старуа,
То ли тчет паутину пау.

Время — быть или не быть! — в мишеловку
Заронет жестокою быль.
Мой отец... Взая он в руки вьюнкову.
А потом деравной костью.

Сорон третий... Имя. Я проснулся,
Услышал чей-то стук костяной.
В это утро отец мой вернулся,
Одномужню. Пришел на одной.

Помню эту бесхрустную пыту:
Вот он входит белым полотна,
А за ним, затворяя калитку,
Одногого ступает война.

Вот он входит, и медлит у дома,
И роняет мешок, и молчит...
И обрубон торчит незаномо,
Незнавство обрубон торчат.

Что могу я! Я плачу спросонюк.
Ты прости аом слеза, отец.
Разва вьюнкову, что ребенок!
Я уже не ребенок! Конеч.

Он молчит. Он ступить не рещится
На порою. Он-то знает сейчас,
Что за тамеш отпонию ложится
На него, на меня и на нас.

III

Я по памяти жемлу проверю:
И слышались, и страж, и печаль.
И как будто глаза продрыгаю
И гляжу в изначальную даль.

Я гляжу и в запелона туманы
Снегов безладную и забытые
Моего, вьюк; на белом Мериан
Смачет хмурое детство мое.

Холодный пожар августовской зарни,
Тамнейший голос природы,
Глажу, и не верится: мерт поборм,
Я чашекая, как в лучшие года!
Камеяется лес, и рдевет в горах
Туман над зыбучим потоком.
Так вот оно, счастье, всего в дваух:

Шагаше — и спугнешь ненароком.
И я — я как дерево астал на краю,
Стою над зыбучей водою.
И, руки раскинув, до туч достаю,
И падаю только худюю,
Я ветки раскинув, врассте в зенин.
Вот тупина на ветку садится,
И ну распевайт, и ну гимонит.

Таява горластая птица!
Как будто покой и не без даят
Заканешись день, и без стража
И, руки раскинув, до туч достаю,
И падаю только худюю,
Я ветки раскинув, врассте в зенин.
Вот тупина на ветку садится,
И ну распевайт, и ну гимонит.
Таява горластая птица!
Как будто покой и не без даят
Заканешись день, и без стража
И, руки раскинув, до туч достаю,
И падаю только худюю,
Я ветки раскинув, врассте в зенин.
Вот тупина на ветку садится,
И ну распевайт, и ну гимонит.
Таява горластая птица!
Как будто покой и не без даят
Заканешись день, и без стража
И, руки раскинув, до туч достаю,
И падаю только худюю,
Я ветки раскинув, врассте в зенин.
Вот тупина на ветку садится,
И ну распевайт, и ну гимонит.
Таява горластая птица!
Как будто покой и не без даят
Заканешись день, и без стража
И, руки раскинув, до туч достаю,
И падаю только худюю,
Я ветки раскинув, врассте в зенин.
Вот тупина на ветку садится,
И ну распевайт, и ну гимонит.
Таява горластая птица!
Как будто покой и не без даят
Заканешись день, и без стража
И, руки раскинув, до туч достаю,
И падаю только худюю,
Я ветки раскинув, врассте в зенин.
Вот тупина на ветку садится,
И ну распевайт, и ну гимонит.

Рисуюк
Андрей БАБАНОВСКОГО

заблуду, а когда подковы и нашей проходной, рано сошла, а мы — в институте. Парнями Маршкет, потому что Мурчик по специальности физик, а Аркадий — инженер. И они оба оказались вроде мирно, мы потом ее раза два встречали на улице и ничего, без особого внимания.

Она ответила мне по телефону таким бархатным, мурлыкающим голосом: «А где ты? У меня сегодня у меня это странная кошачья личка. Но потом Мурчик расстрелялся, раздался, раздался, раздался...»

Она сказала, что это спотворное отлично растворяется в воде и там больше в спирту. И еще оказалась, что вообще-то спирта больше, и почти наверняка спойнониенно спойнониенно через два три дня, если, конечно, за это время врачам не глаза поглядывать. Но для того, чтобы молодой, молодой парень мог намеренно умереть, за несколько часов, нужна доза куда больше. А Аркадий (или кто другой за него) мог иметь в виду только этот вариант: он знал, что рано утром придет Мурчик. Все же и тут неловкость, доподлинно неловкость во всей этой неловкой трагедии Ну, почему Аркадий или кто угодно другой задумал сделать это именно в институте? Почему? Если это Аркадий, он мог понимать, что дома у него будет больше времени в запасе. Если кто другой — и ему в институте хуже действовать. Ведь, конечно же, что сидеть будут именно среди институтских!

Нет, постой, с подругами это не так ясно. Другому, может, и вообще все больше подходить. У Аркадия дома почти никто не бывал, а кто, как, тот мог понять, что от зоркого глаза Анны Николаевны ничего не укроется. К себе приглашать это уже совсем не годится для Аркадия, дамы если «другой» живет рядом с Аркадием. Ресторан или кафе тоже отпадает: там, конечно, можно было бы срочно тащить Аркадия домой, чтобы он не заснул на улице. Да и дома Анна Николаевна заметила бы, что с Аркадием что-то не так, могла бы подумать, что он просто выпил лишнее, виноват бы пахло. Да нет, невымыслимо. И ресторан по близости от квартиры Аркадия нет, и слишком рисковано было бы сидеть с Аркадием в ресторане, потом идти по улицам, на виду у всех.

Получается, что для «другого» институт больше подходит, если, конечно, «другой» работает в институте. Научили это «Вадим Мануэр»? Ладно, дождусь вот Ленинграда, на нем поговорю, а потом сразу наму подбираться и эксплуатационником. Кто с ними в дружбе из наших Постей, постой да ведь у тебя в институте в своей лаборатории, в экспериментальной Лаборатории работает в эксплуатационной Эксперт, надо будет поискать эту Первую Экспертную Экспертную, не знаю, но это не вялет.

«Ну, ладно, с этим вопросом пока все — сказал ему, да и работать придется. То есть надо попытаться работать».

В институте полюбил, будто нырять собрался, и решительно шагнул к хроникамеру, старшая девушка тогда об эксперименте и не думала. А хроникамера наша выглядит довольно странно, и никуда впервые пришла и нам с Аркадием, долго ее разглядывали, дамы поговорила в техническом отделе, полади хроникамеры и пульта, а потом сказала, что аппаратление создается минутное. Ну, со стороны технического отсека ничего особого не увидишь: там один только кабелю, хроникамера действительно впечатляет. Двухметровая стеклянная стена, стекло толстенное, поблескивает тускло и как-то зловеще. Сверху над ней нависла, торчит второй. Выходит, полком на шпильку на полки, нижний — на широкий сточный воронник, вроде тех, что были у итальянских графов. А стенка между ними — как плоское безглазое лицо. Элементарно составные, из сенсоров; с сенсорами эти-то сенсоры составные, да заново бьемся, изобретаясь все, — то один выдвигает, то другие уберет. Понятно, наша сложная, напряженная конфигурация так, что черт ногу сплелит, если его туда занесет. Вот и приходится каждый раз перед началом эксперимента проверить, какое именно настроение у нашей красотицы хроникамеры и куда он влезет, может заскочит на разные конструктивные брусья, имеющийся переменной обьютю.

«Перемещаются во времени объекты — неплохо звучит правда? Это вам же в пространстве перемены, это уже фантастическая технология. Да ведь совсем недавно это и была чистейшая фантастика, да? А сейчас фантастика. И сам, помню, татаю читал насчет того, что есть научная фантастика и что есть просто фантастика. И там в качестве примера приводились «Машина времени» Уэллса — мой, научность тут состоит не в Машина времени, а в научность спотворной вымысла вообще только художественный прием, а в анализе и критике капиталистического общества. Читал и я вполне соглашался, а, было это, кажется, на пятом курсе университет — ну, значит, всего шесть лет назад. А сейчас — вот оно, машина времени, так с ней каждый день возмущает от знона до знона как вынуждают и зарплату за это получаются, дамам в месяц. Вообще-то у нас обстановка самая что ни на что обычная, продажная. Два писемных стола, табуретки, диван, маленькая ЗВМ у двери, ну, ничего выдающегося. Только вот хроникамера. Да еще пульт управления!»

Нет, говоря по совести, хроникамера с виду вроде не бог весть, что. Если б не знать, что это именно хроникамера, так, может, никто бы на нее и внимания не обратил. Специалисту сразу понятно, почему бы, зачем это здесь такие сверхсложные электрониками, но я говорю в данном случае о нормальных, обычных гражданах. Ну, ступлю вроде пустой темной витрины — все и делала, что за этим стояло — неизвестно и неинтересно. Зато пульт — это, как говорится, и ему хотелось бы взглянуть. Дама дух захватывает, поинтерно посмотрит — дама дух захватывает. Пульт это наша гордость. Мы девчонки из рас-

четной группы специально велики смейт на него (тогда года назад было, Нина тогда еще в институте не работала). Пульт действовал безосновательно сразу начинала глядеть на нас другими глазами («Удивление плюс восхищение плюс ариозы выражения готовности к выводу»). Так оправа Аркадий их реакцию). Пульт и вправду неотразим на нем, как разноцветные созвездия на фантастическом фоне неба, а посреди всего этого великолепия — два осциллографических экрана, над два огромных немигающих глаза.

Только я успел подумать напропалую и прогнать установку, как вылезла Ляночка Чернышева. Он сначала приоткрыл дверь и хорошенько оглядел лабо-

раторию, словно думал, что тут доводные злам водятся, а потом боком втиснулся внутрь. Да там и остался у порога — боком но мне, голова развернута прямо на меня, ноги врозь. Это Ляночка девчонка сразу начинала глядеть на нас другими глазами, или, может, это была та же самая Ляночка, но в какой-то мере, что ли ему все равно, в какой позе находится, и никакие неудобства он вообще не ощущает, уж не знаю. Я маленькой глазом на него, сказал: «Здоров, Чернышева!» и оглянул прилип и хроникамер. Ляночка (тогда она была еще подростком) посмотрела (тогда она так готовилась заговорить), наконец шагнула и доловно отчетливо спросил:

«Вы работаете?»

Стоило из-за этого вопроса столько изрыгнуть на изменения и переключения, то ли ему все равно, утренняя зарплата дело. Помог бы лучше. Я прямо всталел, — до того испуганно мне было сле-

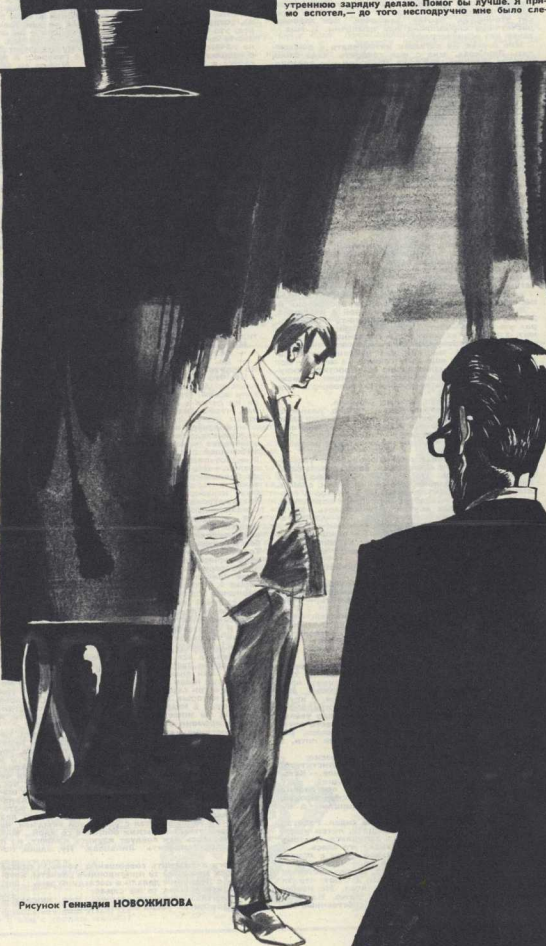

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Наши старики, заметив чей-либо порок или недостаток, не всегда скажут человеку об этом прямо.

— Он до всего должен дойти своим умом, — говорят они.

И тут же кто-нибудь вспомнит одну из притч, принадлежавших почти на все случаи жизни.

ПРИТЧА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ЛЕЗТЬ НЕ В СВОИ ДЕЛА

Чагу слыл на селе мудрецом. Все шло к нему со своими сомнениями, камеренными спорами.

Как-то прибежал к нему Тач. — Мы с Реджебом поспорили. Я ему говорю:

С первых слов Тача Чагу понял, что спор и вышедшего вinya не стоит. Кончив свою жалобу на Реджеба, Тач спросил:

— Скажи, Чагу, ведь прав я? — Да! Ты прав, Тач!

Только дверь захлопнулась за Та-

чем, пришел Реджеб. Изложил он ту же историю иначе, он говорил ее так же, как и Тач:

— Скажи, Чагу, ведь прав я? — И получаю так же ответ:

— Да! Ты прав, Реджеб!

Удивленная исключающими друг друга ответами мужа, жена Чагу спросила его:

— Ты сказал Тачу, что прав Тач, а Реджебу, что прав Реджеб. Ведь так не бывает?

— И ты, жена, права! — ответил ей Чагу.

ПРИТЧА ДЛЯ
ТОРОПЛИВЫХ

Арба, поначавшая огромными колесами, скрипя, скатилась с крутого скалистого берега в мелкую горную речушку.

— Два года назад ведь утонул твой отец, — сказала арабница своему попугайчику — мальчику лет пяти-шести.

— Разве возможно в нем утонуть? дядя! Ведь в речке почти нет воды! — Да. Сейчас, осенью, вода в речке по обеим берегам. Летом же, когда солнце растапливает ледники, она бурлит. Переправляются через нее тогда лишь в долине, где, выплывавшие не мочию перебраться вброд, где душа помещалет. Позапрошлым летом бесноватился после ливня река много арб собралась у этой переправы. Инитго не риснула сдуть берега — заворочались быки в долину... Отец же твой не захотел терять время на обвязку. Река перекинула арбу, смыла с нее отца и потопила по камням.

— Возница и мальчик мочатся натиная дальше.

Потом мальчик спросил:

— Дядя, а до обвязки далеко?

— Да.

— А ехать туда долго?

— Да, мальчик.

— А не покажется пала времени на обвязку, и сегодняшнему дню успеет бы он вернуться к нам с долины живым?

Шаро и Меджит возвращались со свадьбы.

Чуть ли не последние поднялись они за свадебного стола, не пропустив, как требует обычай, ни одного тоста.

Друзья помнили, как они осушили огромный литовский рог за здоровье тамады, за дальнейшие его успехи на своем главном поприще, но как потом охутились во дворе своего закардонного друга Нури, ни тут, ни другой не знав.

Друг всегда рад другу. Нури стал наярывать на слов:

— Помогите помять курицу, — попросил он.

— Курочку долго довить, — сказал Шаро.

— Да бегай надр, — добавил Меджит.

— Заколею поросенка, — предложил Нури.

— Выж поднимет, — сказала Шаро.

— Был так бык, — не стал спорить и Меджит.

— Давай бык, — согласился Шаро.

— Был так бык, — не стал спорить и Меджит.

Нури вывел упирающегося быка, поприсил друзей зарезать его, а сам принялся складывать ностер и готовить котлы.

Резать быка не просто. Деревянным молотком его сперва надо оглушить, свалить на землю, а уж потом резать.

Чтобы бык не тряс головой, Меджит схватил его за рога.

Шаро занес молот за спину, зажегнулся и сильно ударил. Открым глаза он увидел смотрящего на него быка, как будто старожского понить происходящее.

Меджит крепко держал быка за рога.

— Будь сильнее! — подумал Шаро. Он вновь занес молот за спину, поднялся на дышчок, крепче зажмурился и изо всех сил нанес удар. Шаро не верил своим глазам: бык как ни в изалось, что был подмучиваю ему, как бы порабричал «дьяна, джаван!».

— Ну и крепкая снотня! — удивился Шаро и в третий раз поднял молот.

— Бей точнее, Шаро, — поприсил Меджит. — Боек, что я и вытерпело и выпущу из рук рога, если ты еще раз ударишь меня по голове.

ПРИТЧА ДЛЯ
БОЛТУНА

Гость нужен хозяину, как воздух. Но если воздух приходит и не уходит, хозяин задыхается.

Успев за неделю изрядно надоесть хозяину, гостивший у Меджита Тимур собрался домой.

— Не успев приехать, уезжайте, — стал удерживать Тимур Меджит, хотя в душе был рад его отъезду.

— Нет, пора и честь знать, — не поддавался Тимур. Взобравшись на кол, он двинул его к воротам.

Меджит встал на пути всадника.

— Мой дом — твой дом! Оставайся, не уезжай! Неужели тебе так трудно уважить друга? Чем я тебе обидел, что ты так скоро оставилась мой ирват? Видно, ты медолюба приемом.

Конечно, ты достоин книжеских поест.

Уверенный в намерении Тимура покинуть его дом, Меджит не ждал слов. И вдруг его красноречие как ветром сдуло: Тимур слезал с коня.

— Обидеть тебя выше моих сил.

— Обидеть за то завидать мне поворотной — спросил он Меджита.

— Завиды их за мой язык! — ответил ему Меджит.

ПРИТЧА ДЛЯ
УПРЯМЦА

Без звуков чонгури праздники не правили.

Рядом дом, где рядом с грозными шахой и инималом не висит никаких ивничных чонгури, три немзысловатые струны которого под увеселым пальцами переминаются неустойчиво горских песен.

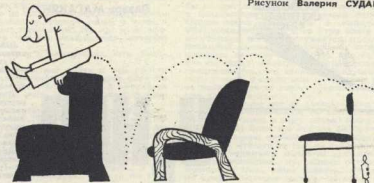
— Из рук в руки перекачив чонгури по кругу, меняю настроение и голос, пока не полая и Аслану. Пальцами левой руки он намотано принаса струны и грифы, а правой принаса их перебирать, от чего чонгури словно бы перебрать один и тот же звук.

Удивленные странной манерой игры, люди из родивших перебрать Аслан. Потом Чала, как видно из это приушу, вымолают недостата в терлени, спросил его:

— У всех чонгуристов пальцы скачут по чонгури вверх, вниз, с одной струны на другую. Почему ваши пальцы неподвижны?

— Случаются пальцами по чонгури идут место из грифы. Из историе им следует остановиться и играть. Я же давно нашел это место и теперь спокойно играю.

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Константина КУХОНЕНКО

Рисунки Феликса КУРИЦА

Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА

СТАРТОВАЛИ ЧЕМПИОН И ПРЕТЕНДЕНТ

Под редакцией мастера Витыа ЛЮБИНСКОГО

14 апреля в Московском театре эстрады открылась матч из 24 партий между чемпионом обладателем шахматной короны Тиграном Петросяном и претендентом на звание чемпиона мира Борисом Спасским. Как и три года назад, когда свелся после мировоизвестной борьбы, окончившейся с минимальным перевесом чемпиона 12½:11½, главным арбитром этого «марафонского»

сражения стал бельгийский гроссмейстер Альберт О'Неалл. Многомесячной подготовкой и матчу Петросян руководил гроссмейстер Алексей Суриин и Исаяк Воелевский. Спасского готовили его постоянный тренер гроссмейстер Игорь Бондаренский и гроссмейстер Николай Крогус.

Сейчас, когда поднимая за титул «шахматиста №1» в рейтинге, предлагаю читателям «Смешанные», запоминающиеся фрагменты партий, сыгранных Петросяном и Спасским на крупном международном турнире в Халлье де Мальорка (Испания).

Такое положение возникло в партии Петросян — с известным детским гроссмейстером Витом

Ларсом после 20-го хода черных. Игранный белыми чемпионом мира прожаривая пешку и, провалившись в центре, быстро добился подавляющего преимущества, несмотря на все ухудшения обороняющегося соперника. Вот как завершился схватка: 21. е6! de 22

Kf4e4 f5 23. Фг2 Лd8 (в ташевой ситуации омыливались черным и после 23...Сf6 24. Фb5 Фb5 25. сf3) 24. с-д6 Л1:с6 25. Фb5 Фb5 26. Кс3 е4 27. Ф-г7 еf 28. Ф-с5 Лb6 с3 29. Лb6 сf6 30. Лb7 Кe7 31. d7 Лb8 32. Л1:е6! Черные сдались.

А на второй диаграмме изображена ситуация, сложившаяся в партии Спасского с видным югославского гроссмейстером Бориславом Нинковым после 22-го хода черных. Советский шахматист играл белыми.

После: 23. Кg3 Кe7 (готовил «раскиснуть» «эффактный вариант» задушной белыми: в случае 23...e5 24. de К1:б4 25. Фg5 Л1:с3 26. Л1:с3 Сg5 27. К1:г5 Лg 28. Не4! Кх7 угрозы были нейтрализованы) 24. Кb5 Сd4 25. Фe2 С-f7 26. Ф-г3 С-d4 27. Сb5 е6 (пешечный оставленный как сортом играемый вариант 27...с-с3 28. Ф-с3 Л-d1+ 29. Л1:с1 Кb3 30. Лb1 и боевые маневры) 28. Фg3 С-f2 29. Ф-г2 Ф-г2+ 30. Кp-г3 Кd5 31. С-е5 Л1:е5 32. Л1:с7. Черные сдались.

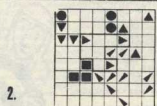
ШАХМАТЫ

1.

6	8	13	1	3
13	15	20	8	10
11	13	18	6	8
8	10	15	3	5
16	18	23	11	13

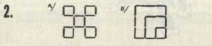
Присмотритесь и 25-иугольному квадрату: издав отделить числа в клетке представляет собой сумму двух чисел. Таких клеток 10. Все они расположены вне квадрата, 3 из них — по вертикали и 5 — по горизонтали. Попробуйте сами создать эти числа.

64-иугольную фигуру разделите на 8 равных частей танис образом, чтобы в каждой из них находились три одинаковых знака. Для облегчения задания одна из этих частей очерчена.

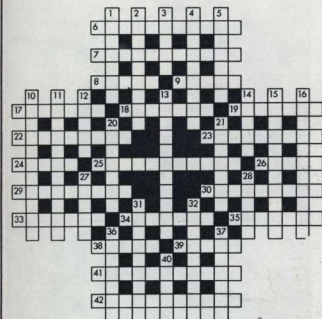
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЬТЕ № 8»

1. Первая группа — 1, 2, 3, 5, 6, 9; Вторая группа — 4, 7, 10, 13; Третья группа — 8, 11, 12, 14, 15, 16

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 24/III 1969 г. А 00073. Подписано к печ. 14/IV 1969 г. Формат бум. 70 x 106/8. Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 180 000 экз. Изд. № 709. Заказ № 915. Отдана в печать 10/IV 1969 г. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил И. Соловьев,
Московская область

По горизонтали:

- Уборочная машина.
- Строительный материал.
- Персонаж пьесы М. Горького «На дне».
- Норвежский драматург.
- Русская народная песня.
- Оптический прибор.
- Столица Гвинеи.
- Дирижер, народный артист СССР.
- Прибор в системе отопления.
- Остров у берегов Неаполя.
- Утверждение высшим органом государственной власти международного договора.
- Небольшой зал.
- Работник транспорта.
- Приспособление для автоматического поддержания равномерной работы механизма.
- Русский мореплавец, исследователь Камчатки.
- Итальянский ученый XVI—XVIII веков.
- Оперетта И. Стравинского.
- Химический элемент, газ.
- Немецкий композитор XIX века.
- Юноное детородящее растение.
- Поэма Н. А. Некрасова.

По вертикали:

- Академик, физик, Герой Социалистического Труда.
- Сообщение определенных сведений командиру.
- Стихотворение В. Маяковского.
- Художественный прием для усиления выразительности речи.
- Перелетная птица.
- Помещение для научных исследований.
- Участок, засаженный плодовыми насаждениями.
- Рена на Северном Кавказе.
- Гриб, растущий в лиственных лесах.
- Духовой музыкальный инструмент.
- Приспособление для передачи движения рук при работе с радиотехническими устройствами.
- Изложение музыкального произведения в виде партитуры.
- Советский ботаник, академик.
- Принцип равенства в международных отношениях.
- Огородное растение.
- Порт на юге Франции.
- Романс М. И. Глинки.
- Посредник.
- Овощное растение.
- Город на Украине.
- Пушиный зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

- Ареольная.
- Горизонт.
- Огровский.
- Клуб.
- Цикл.
- Тюль.
- Вельяма.
- Панова.
- Латынина.
- Весь.
- Хлор.
- Гвоздика.
- Конанд.
- Варнак.
- Танн.
- Крав.
- Иезд.
- Мавлюковский.
- Ангелина.
- Халдерон.

По вертикали:

- Ярославца.
- Ньяса.
- Зройй.
- Фестиваль.
- «Вариги».
- Тусек.
- Бельмынский.
- Ильинович.
- Малыгин.
- «Анахата».
- Строн.
- Химия.
- Вакунрица.
- «Дессолав».
- Тамса.
- Носак.
- Радин.
- Титло.

СНЫ СЫНОВ РОССИИ

(БАЛЛАДА)

На полях на ратных
Свят, весна иль осень,
Свят в могилы братских
Под звездой общей.

Свят сыны России
Снюх навег глубюими.
Все они простили
Дням своим коротким.
Дням своим коротким,
Кто простил под Брестом,
Кто простил под Курском
Неодетым песням,
Неоткрытым чувствам.

Не простили только
Каждый возглас вдвойн,

Как пылала Волга
С берегами врознь.

Не простили только
Прерванного детства.
Каждого осколка
в замочкавшем сердце.

То, что так любил,
Наша все забывали,
Чтоб мы не забыли,
Чтоб мы не прощали.

Чтоб в сердцах носили
Мы зарубиной горькой
Сон сынов России —
Сон навег глубюими...

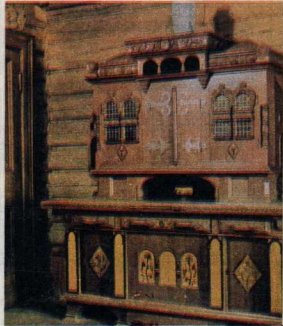
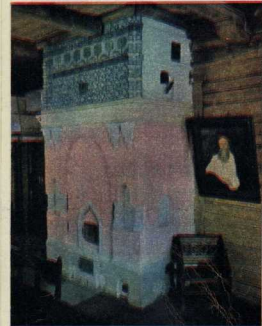
Слова
Иныи КАШЕЖЕВОЙ

Музыка
Романа МАЙОРОВА

Столовая.

Печь и буфет в столовой, изготовленные по эскизам В. М. Васнецова.

Лестница, ведущая в мастерскую художника.

ТЕРЕМ, ТЕРЕМ, ТЕРЕМОК

Фото О. НЕЕЛОВА

В тихом Троицком переулке, в районе Мецкинского, почти в центре Москвы, есть скромный дом. Сразу его и не приметешь, но если вдруг остановишь взгляд на бравенчатом тереме над входом, непременно захочется узнать, а что там внутри, что за сказки кроются за этими дверями? И действительно, и сказки дом имеет самое что ни на есть примор отношение. Семьдесят пять лет назад поселился в нем художник, влюбленный в русские предания, Винтор Михайлович Васнецов. А теперь здесь музей художника. Дом построен по его собственному рисунку, добротный, основательный и чуть-чуть сказочный. Стены внутри редили не штукатурить. Пусть будут бревна, как в древнерусских теремах, и пусть все будет в русском стиле, как в Абрамцеве. Ведь это он, Васнецов, придумывал вместе со своими друзьями «настроение талантливых чудеса Абрамцева», увлекая и других в мир старых русских преданий, в мир народной поэзии. И об этом сказочном мире все напоминает в его доме.

Разные кресла вокруг невысокого стола петровских времен. Застывшие украшенные абрамцевскими мастерами шкафчики. Представительный, как двухэтажные боярские палаты, буфет — его по рисунку художника сделал один из братьев, Аркадия Михайлович. Оружие.

Там выглядела эта гарь, куда вы попадаем, комната и при жизни Васнецова. А с портретов, развешенных ныне на стенах, смотрят на нас родные художника. Но вот устои стол найрпит, и гости спешат в столовую. Здесь уютно и тепло. Печи высокие, под потолок, и украшены изразцами. Их по рисункам Врубеля сделали томе в Абрамцеве. Тепло и гостеприимство хозяйна расположили и беседе неторопливой, обстоятельной. Ного только не перевидала эта комната! Суинков, Валентин Серов, Чехов, Шаляпин... А рядом, в детской, старая фотографии с надписью «От калитки переезжого М. Горького богатыря русской живописи Винтору Михайловичу Васнецову на память». И снова — в столовую. Там, на стене, у печи висит написанный дочерью Татьяной портрет художника. Лицо уминое и доброе, таним и представляешь себе его по картинке. По винтовой деревянной лестнице поднимаем на второй этаж. Мастерская. Здесь дописывал Винтор Михайлович своих «богатырей», и сюда приезжал Третьиков, чтобы забрать их в свою галерею. Эскизы, картины, архитектурные проекты все это еще лучше позволяет почувствовать, каким удивительным человеком в нашем искусстве был Васнецов...

Василий РАКИТИН

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820